
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295447 7

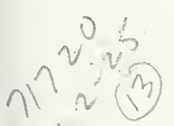
This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

Содержаніе Перваго Тома.

Стран.

Стран.

СТИХИ.

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богатствомъ, роскошью блисталъ;
Но вмѣсто щастья, дней веселыхъ,
Заботы, скуку обрѣталъ;
Простился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.

Искалъ я къ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину:
Но намъ ли таинствъ ключь найти,
Измѣрить мудрости пучину?
Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!

Къ чему намъ служитъ власть, когда, ее имѣя,
Не властны мы себя щастливыми творить;
И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?

Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью страстныхъ,
Томился и скучалъ я жизнію своей;
Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.

Уныніе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой притупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Ненужное для насъ бываетъ ли пріятно?

Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и нещастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы,
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растетъ;
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ горестью сраженъ —
Она другому отдается,
Который ею восхищенъ;
Но скоро клятву онъ забудетъ,
И скоро... самъ обманутъ будетъ.

Ехидны зависти везде, везде шипятЪ;
Достоинство, талантЪ и трудЪ безЪ награжденья.
Творите ли добро, вамЪ люди зло творятЪ.
ОтЪ каменныхЪ сердецЪ не ждите сожаленья.

Злословіе свой ядЪ на имя мудрыхЪ льетЪ;
Не судитЪ ни обЪ комЪ разсудокЪ безпристрастный:
Лишь страсти говорятЪ. — Кто вЪ роскоши живетЪ,
Не знаетЪ и того, что вЪ светЪ есть нещастный.

Но онЪ нещастливЪ самЪ, не зная, отЪ чего;
ЖелаетЪ получить, иметЪ и скучаетЪ;
ЖелаетЪ новаго — и только что желаетЪ.
ОнЪ врагЪ наследнику, наследникЪ врагЪ его.

По грозной влагЪ Океана
Мы всЪ плывемЪ на кораблЪ
Во маркЪ бури и тумана;
ПлывемЪ, спЪшимЪ пристать кЪ землЪ —

Но вѣтръ яриться съ новой силой,
И море... служитъ намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ таже участь ждетъ.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ вѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы,
Изчезнутъ всѣ какъ тѣнь — и всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозится смерть, для всѣхъ отверсты гробы.

Для тигра, агницы сей лугъ равно цвѣтетъ,
Равно питаетъ ихъ. Нещастныхъ притѣснитель

Покоится въ землѣ какъ бѣдныхъ утѣшитель;
На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ растетъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
И памятники строй: что пользы? ты забытъ,
Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ и друзьями;
Могилы твоея никто не посѣтитъ.

Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ власть и слава ненадежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

Нещастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родиться вѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться!

Ничтожество! ты благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря страшныхъ огорченій;
Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,

Всегда надеждой обольщеннымЪ,
Всегда тоскою изнуреннымЪ!

Что насЪ за гробомЪ ждётЪ, не знаетЪ и мудрецЪ:
Могила, тлѣніе всему ли есть конецЪ?
Угаснетъ ли душа сЪ разрушеннымЪ покровомЪ,
На небо ль воспаривЪ, жить будетЪ вЪ тѣлѣ новомЪ?

Сей тайны изЪ людей никто не разрѣшилЪ.
И червя произвелЪ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
ИмЪ такЪ же, какЪ и намЪ, ОнЪ чувство сообщилЪ.

Подобно намЪ они родятся, умираютЪ:
Гдѣ будетЪ ихЪ душа? гдѣ будетЪ и твоя,
О бренный человѣкЪ? ВЪ нихЪ чувства изчезаютЪ,
ИзчезнутЪ и во мнѣ: увы! что жь буду я?

Но кто изЪ смертныхЪ разсуждаетЪ?
СкупецЪ богатства собираетЪ,
КакЪ будто вѣкЪ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются сЪ волнами —

За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстить.

Предъ мощнымъ слабость трепетала:
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ;
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала —
Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный... падетъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелестны!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный:
Минута — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идетъ.

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ внятны;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Изчезнутъ для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;

Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не разцвѣтетъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть твоя стихія;
Улыбка краситъ дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей, —
Забудь . . . на время мудрость съ ней.

Люби! . . . но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.
ТОМЪ I.

СТИХИ.

Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Экклезіаста.

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я нѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустота;
И я сказалъ: „любовь мечта!"

У мудрыхъ должны быть во власти:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Намъ все *употреблять* для щастія возможно:
Во зло употреблять не должно ничего;
Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствіе души зависитъ отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнить своего великаго Творца:
Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и вздыхать!
Онъ любитъ въ горести нещастныхъ утѣшать,
И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,

Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай порокъ;
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ:
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ никогда?
Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучь,
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,
Огнями молній воспаленныхъ?
Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добръ и для коварныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары ліетъ.
Прекрасно другомъ быть сердецъ неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ не ждетъ.

Награда для него есть совѣсть, духъ покойный.
(Безуміе и злость всегда враги Уму:

Вниманія его ихъ стрѣлы не достойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость щитъ ему.)

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтилы;
Божественный огонь блеститъ въ его очахъ.
Ему не страшенъ видъ отверстыя могилы:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

Волга.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристальныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ —
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь —
Хвалить красу твоихъ бреговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтаютъ,
Поля волнистыя сіяютъ
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ которыхъ древле раздавался
Единый страшный ревъ звѣрей,
И эхомъ вѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей —
Бреговъ, гдѣ прежде обитали
Орды златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухѣ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Не рѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Христіянъ;

Гдѣ враны трупами питались
Нещастныхъ древнихъ Россіянъ;
Но гдѣ теперь одной державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чтутъ,
Богиню щастія и славы (*) —
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я Природу полюбилъ, —
Ей первенцы души и сердца,
Слезу улыбку, посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустын-
номъ?

Дерзну ли пѣть, о мать-рѣка!
Какъ ты, красуяся въ теченьѣ
По злату чистаго песка,
Несешь земли благословенье (**)
На сребряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,
Вездѣ страны обогащаешь
Въ блистательномъ пути твоемъ;
Какъ быстро плаватель безстрашной

(*) Писано въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.
(**) То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими плодами земли.

Летитъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ стихіи влажной,
Въ твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,
Хваля благопріятный вѣтръ;
И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подъемлется осетръ,
Играетъ на верьху съ волнами,
Съ твоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаетъ ихъ? —
Когда жь подъ тучами со гнѣвомъ,
Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ревомъ,
Начнешь кипѣть въ брегахъ своихъ —
Какъ вихри воздухъ раздираютъ,
Какъ громы съ трескомъ ударяютъ,
И молніи шипятъ въ волнахъ —
Когда пловцы, спастись не чая,
И къ небу руки простирая,
Хладъ смерти чувствуютъ въ сердцахъ: —
Какая кисть дерзнётъ представить
Великость зрѣлища сего?
Какая пѣснь возможетъ славить
Ужасность гнѣва твоего?...
Едва и самъ я въ лѣтахъ нѣжныхъ,
Во цвѣтѣ радостной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мятежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.

Уже безъ вѣтрилъ, безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;
Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
Уже зіяла хлябь подъ нами
Своими пѣнными устами;
Надежды лучь въ душахъ блѣднѣлъ;
Уже я съ жизнію прощался,
Съ ея прекрасною зарей;
Въ тоскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей...
Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
Утихло бурное волненье,
И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
Какой восторгъ! какая радость!
Я землю страстно лобызалъ,
И чувствовалъ всю жизни сладость. —
Сколь ты въ величіи своемъ,
О Волга! яростна, ужасна,
Столь въ благости мила, прекрасна:
Ты образъ Божій въ мірѣ семъ!

Теки, Россію украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великость прославляя, —
Доколѣ времени рука
Не истощитъ твоей пучины...
Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избѣжать:
И ты должна свой вѣкъ скончать!

Но прежде многіе народы
Истлѣютъ, превратятся въ прахъ,
И блескъ цвѣтущія Природы
Померкнетъ на твоихъ брегахъ (*).

(*) Мысль, что Природа старѣется, есть не только піитическая мысль; самые Философы и Натуралисты не отвергаютъ ее.

Къ Милости (*).

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

Любовь твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

(*) Писано въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

Блаженъ, блаженъ народъ живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человѣкъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти-подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракѣ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

Кладбище.

Одинъ голосъ.

Страшно въ могилѣ, хладной и темной! —
Вѣтры тамъ воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры тамъ вѣютъ, спящимъ прохладно,
Травки, цвѣточки растутъ.

Первой.

Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Змiи въ крапивѣ шипятъ.

Второй.

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ.

Первой.

Тамъ обитаютъ черные враны,
Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

Второй.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

Первой.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

Второй.

Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ ясминовъ, лилей.

Первой.

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.

Второй.

Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ остается навѣкъ.

Къ богинѣ здравія.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ нитіемъ!

Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огнь погасъ,
И сердце томно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

И червя оживляетъ
Прохладный вѣтерокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ страдать?

Хотя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хотя едину каплю
Пролей въ мои уста —
И буду исцѣленъ!

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

Къ Прекрасной.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтьви?

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучь освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный (*),

(*) Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верьхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?

ГласЪ твой божественный часто внимаю;
Часто сквозь облако образЪ твой вижу —
Руки кЪ нему простираю —
Ѳблако, воздухЪ обЪемлю!

Раиса,

Древняя Баллада.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкалъ на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенаній заглушить.

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтьвями деревъ,

Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
„Увы! увы! погибла я!

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

„Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

„Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

„Когдажь явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

„Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердеч-
(нымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

„Душа моя въ твою вселилась;
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла;
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

„Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И щастливъ былъ бы мой конецъ.

„Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

„Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала....
Уже далеко былъ Кронидъ!

„Мечта изчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

„На холмъ высокой я спѣшила....
Нещастная!... Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людь-
милой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

„Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

„Теперь злощастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ...
Душа моя покоя жаждетъ...
Прости!... Будь щастливъ безъ меня!"

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

Эпитафіи.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца;
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Что жь тамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся милый прахъ!
Небесная душа ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно
возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго
утра!

Молитва о дождѣ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ —
Нѣжный ландышь, василёкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса...
Дѣти матерью забыты!

Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находитъ:
Черепъ холмъ и черепъ долъ.
Конь въ степи печально бродитъ;
Тощь и слабъ ревущій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?

Гибнутъ всѣ его плоды!...
Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя, за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:
Не ужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Не ужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ?—
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля—
Пѣсни въ рощи возвратятся—
Благодарный ѳиміамъ
Воскурится къ небесамъ!

Веселой часъ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой Мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

Военная пѣснь.

Въ чьихъ жилахъ льется кровь Героевъ;
Кто серцемъ мужъ, кто духомъ Россъ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;

Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и трепещетъ;
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ, и кровь ихъ жадно пьетъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разить безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростію твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

Пѣснь мира.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ эѳира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай.

Хоръ.

Бури, громы умолкаютъ;
Тучи черны исчезаютъ;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.

Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь:
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрится вдалекѣ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Хоръ.

Милліоны веселитесь,
Милліоны обнимитесь,

Какъ объемлетъ брата братъ!
Лобызайтесь всѣ стократъ!

Птички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ тигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все творенiе дружится,
На землѣ и на водахъ.

Хоръ.

Миллiоны да ликуютъ!
Миллiоны торжествуютъ!
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ мiромъ мы въ любви!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На брегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ неутомимой
Громкимъ голосомъ поетъ;
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.

Хоръ.

Пойте, пойте духа радость! . .
Лейте, лейте въ сердце сладость! . .
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ мiромъ мы въ любви!

Музы, Граціи сплетая
Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога тихихъ, райскихъ дней,
Нѣжно всѣ его ласкаютъ
Съ видомъ щастливой любви,
И въ восторгѣ восклицаютъ:
„Вѣчно съ нами, Миръ, живи!"

Хоръ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестной,
Вѣчно съ нами, сынъ небесной,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанетъ горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Щастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Хоръ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
И ко дружбѣ обратился.
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Цѣпь составьте, милліоны
Дѣти одного отца!

Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитеся — любить!
Чувствомъ, мыслію клянитесь
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить!

Хоръ.

Мы клянемся всѣ сердечно,
Въ мирѣ съ братьями жить вѣчно!
Отче! слышишь клятву чадъ!
Мы твердимъ ее стократъ.

Осень.

Вьютъ осенніе вѣтры
В мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Сѣтуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися птички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Странникъ печальный утѣшься!
Вянетъ Природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова Природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

Пѣснь Божеству (*).

Господь Природы, — Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Отецъ чувствительныхъ сердецъ:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъявляетъ
И въ скорби льетъ потоки слезъ!

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій, —
Въ странахъ эѳирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назвать мечтою могъ?

(*) Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *нѣтъ Бога!*

Тебя?.. И страшнымъ громомъ неба
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстить, — наказывать враговъ;
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

Любовь!... и съ кроткимъ удивленьемъ, —
Въ минуту славы, торжества, —
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;

Обнимутъ руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую —
Рекутъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*

Посланіе къ Дмитріеву.

Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность щастливой молодости.

Конечно такъ—ты правъ, мой другъ!
Цвѣтъ щастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть тотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣтаетъ.
Тогда въ эөирѣ мы живемъ,
И нектаръ сладостный піемъ
Изъ полной Олимпійской чаши.
Но жизни алая весна
Есть мигъ — увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты златыя
Какъ птички быстро улетятъ,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце затемнятъ —
Тогда, подобно Иксіону,
Не милую свою Юнону,

Но дымЪ увидимЪ предЪ собой (*)!
И я, о другЪ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
ЛюбилЪ сЪ горячностью людей,
КакЪ нѣжныхЪ братій и друзей;
ЖелалЪ добра имЪ всей душею;
ГотовЪ былЪ кровію моею
Пожертвовать для щастья ихЪ,
И вЪ самыхЪ горестяхЪ своихЪ
Надеждой сладкой веселился
Не безполезно жить для нихЪ —
Мой духЪ сей мыслію гордился!
ИсточникЪ радостей и благЪ
Открыть вЪ чувствительныхЪ душахЪ;
Плѣнить ихЪ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою;
ОрудіемЪ НебеснымЪ быть,
И вЪ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялЪ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтЪ моей лампады
СЪ звѣздою утра угасалЪ.

(*) Извѣстно изЪ Миѳологіи, что ИксіонЪ, желая обнять Юнону, обнялЪ облако и дымЪ.

Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было....
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человѣкъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить, —
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ — люди вѣчно.
Когда нещастныхъ Данаидъ (*)
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ приметъ лучшій видъ:
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помиритъ;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго проститъ.
Дотолѣ истина опасна,
Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать —

(*) Онѣ въ подземномъ мірѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.

Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья —
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться *издали* порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,

Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть —
(Зефиры съ нами ӧтыграли!) —
Но мы не должны унывать:
Живемъ по общему закону!..
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону (*),
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Любезныхъ Музъ прелестнымъ даромъ.
Онъ съ нѣжнымъ, трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпѣлъ жестокій зной и хладъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.

(*) Смотри Шекспирову трагедію Отелло.

Она внимала, удивлялась;
Брала участіе во всемъ;
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: *я люблю тебя!*
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душею.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ дней.
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.

Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали;
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣ-
чаетъ
Златую Фебову стрѣлу (*),
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ—тамъ—за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ... но мы еще не зримъ.

(*) Древніе Поэты говорили, что златая Фебова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

КЪ Д*.

„Многіе Барды, лиру настроивъ,
„Смѣло играютъ, поютъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
„Мчатся по рощамъ, шумятъ.

„Многіе Барды, тоны возвысивъ,
„Страшныя битвы поютъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Стонъ пораженныхъ и смерть.

„Многіе Барды, тоны унизивъ,
„Сельскую радость поютъ —
„Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
„Вздохи, утѣхи любви.

„Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
„Намъ воспѣваютъ вино,
„Всѣхъ призывая имъ утоляти
„Скуку, заботы, печаль.

„Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
„Душу приводятъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
„Гдѣ Анакреонъ другой?

„Мало осталось Бардовъ великихъ!" —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся;
Лира упала изъ рукъ.

Быстро Зефиры съ Невскаго брега,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ...

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
Громко взываю, пою:
„Древніе Барды духъ свой вліяли
„Въ новаго Барда Невы!"

Къ соловью.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.

Но почто жь рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою,..
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!...
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ Природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;

Сердцу скучно одному —
СвѣтЪ пустыня, меракЪ ему.

Скоро ль пѣснію своею,
О любезной соловей!
НадЪ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

Филлидѣ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасной,
Въ которой ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселится! —
Взгляни же и на друга,
Которой для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златострунну,
Чтобъ радостную пѣсню
Сыграть на ней Филлидѣ,
Въ щастливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излить желанья дружбы.
Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ утромъ,
Которое питаетъ
Ясмины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!

Будь радостна, безпечна,
Какъ радостенъ, безпеченъ
Пѣвецъ весны и утра,
Віясь подъ облаками!
Когда жь вздохнуть захочешь —
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
Да будетъ вздохъ твой кротокъ!
И естьли въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца,
Блистай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!
    Въ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —
Представь намъ Аполлона —
И вдругъ, когда потужишь,
Что юноша не дышетъ,
Да оживится образъ,
И ставъ передъ тобою — —
Филлида! я умолкну.

На разлуку съ П* *.

Насталъ разлуки горькой часъ!..
Прости, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: *не плачь!* и слезы проливаю!
Но такъ назначено судьбой —
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣетъ за тобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ Знатность, Слава
Тебя съ дарами ждутъ. Души твоей и нрава
Ничто не премѣнитъ; ты будешь вѣчно *ты* —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —
И видя вкругъ себя пороки, подлость, лесть,
Которыхъ цѣль есть суетная честь,

Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣй-
шее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ
тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное
бремя,
Но радостный восторгъ; когда, уда-
лены.
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ
мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ
нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ нами
синій сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ
нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба
длань благую;
Въ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы
пѣснь святую:
На крыльяхъ молніи къ Нему летѣлъ
нашъ духъ!..

Ты вспомнишь все сіе, и слезы покатятся
По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣжной другъ!
Сіи блаженны дни вовѣкъ не возвратятся! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою...
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И утренній пѣвецъ (*) гласитъ намъ пѣснь свою —
Увы! тебя здѣсь нѣтъ!.. цвѣты вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не цвѣтетъ...
Прости! благій Отецъ и Геній твой съ тобою.
Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Прости! твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ.
Не скажутъ ввѣкъ объ немъ, чтобъ онъ чиновъ искалъ;

(*) Жаворонокъ.

Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда
нибудь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна пре-
клоняетъ;
Страшится — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душей тебя.

Прости.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно плѣниться,
Быть страстнымъ одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатенъ я, не славенъ:
Могуль кого прельстить?
Не веселъ, не забавенъ:
За что меня любить?

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.)

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своей,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви твоей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —

Надежды лучь блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владѣетъ
Навѣкъ рукой твоей!...

Будь щастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Я буду жизнь вести,
Лишь токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Боннету (*).

Онъ былъ великъ душей своей,
И міру жизнію полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —
Леманъ (**)! въ зерцалѣ водъ твоихъ
Затмился зракъ Его священный;
Но умъ, но духъ Его нетлѣнный
Живетъ въ твореніяхъ своихъ.

(*) Которая излилась изъ души моей въ самой тотъ часъ, какъ я получилъ извѣстіе о смерти сего незабвеннаго друга человѣчества, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца, любезнаго моему сердцу.

(**) Женевское озеро. — Боннетъ жилъ на берегу его.

Любезной,

Въ день ея рожденія.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: *будь мила!...*
„Будь щастлива!" сказать богиня не могла.

Странность любви, или безсонница.

Кто для сердца всѣхъ страшнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

„Кто же милая твоя?"
Я стыжусь; мнѣ право больно
Странность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!..
Что сказать? Она...она...
Ахъ! ни мало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;
Не блистаетъ остротою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.

Знайте также, что она
Не Венера красотою —
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ эѳирна и томна,
Что безъ жалости не можно
Бросить взора на нее
Странно!.. я люблю ее!

„Что жь такое думать должно?
„Увѣряютъ старики
„(Въ этомъ дѣлѣ знатоки),
„Что *любовь любовь раждаетъ*, —
„*Сердце нравится любя:*
„Можетъ быть она плѣняетъ
„Жаромъ чувствъ своихъ тебя;
„Можетъ быть она на свѣтѣ
„Не имѣетъ ничего
„Для души своей въ предметѣ,
„Кромѣ сердца твоего?
„Ахъ! любовь и страсть такая
„Есть небесная, святая!
„Умъ блестящій, красота
„Передъ нею суета.“

Нѣтъ! .. Къ чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вамъ, любезные друзья,
Что жестокая моя

Нѣжной, страстной не бывала,
И съ любовью на меня
Глазъ своихъ не устремляла.
Нѣтъ въ ея душѣ огня!
Тщетно пламенемъ пылаю —
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь!
Такъ какъ Эхо (*) изсыхаю —
Нѣтъ отвѣта на любовь!

Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою,
Богъ коварной — Купидонъ!
Ядовитою стрѣлою
Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ твой законъ,
Мудрыхъ мудрости лишая,
И ученый кабинетъ
Въ жалкой *Бедламъ* (**) превращая,
Гдѣ безуміе живетъ!
Щастливъ, кто не знаетъ страсти!
Щастливъ хладной человѣкъ,
Не любившій весь свой вѣкъ!..
Я завидую сей части,

(*) Т. е. Нимфа, которая отъ любви къ Нарциссу превратилась — въ ничто, и которой вздохи слышимъ мы иногда въ лѣсахъ и пустыняхъ, и называемъ — эхомъ.

(**) Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

И съ Титаніей люблю
Всѣмъ насмѣшникамъ въ забаву (*)!..
По Небесному указу
Днемъ зѣваю, ночи не сплю.

(*) Любопытные могутъ прочитать третіе дѣйствіе, вторую сцену Шекспировой піесы: Midsummer-night's dream.

Весеннее чувство.

Пришла весна — цвѣтетъ земля;
Древа шумятъ въ цвѣтахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;
Стада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣтьвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѳиміамъ
Цвѣтовъ и древъ и травъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!

Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушать?..
Безсмертный человѣкъ!.. созданный
Собой Натуру украшать!...
Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!

Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ (*):
Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко щастью вмѣстѣ съ нимъ рожден-
ныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей!

(*) Начало военныхъ дѣйствій весною.

Надежда.

Il est doux quelquefois de rever le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будетъ съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучь души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!
Хотя томлюся и страдаю,
Но ты во мнѣ... не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи:
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи —
Вдали возможность щастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
Другъ друга *радостно* любить!
Въ душѣ моей, теперь унылой,
Твой *образъ* можетъ *съ щастіемъ* жить!
Когда? когда? — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ готовится вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ сліяніи сердецъ.

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтьви ихъ сплетясь растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
Препятствій страшныхъ миліоны,
Тиранство рока и законы
Не могутъ страсти прохладить:
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ велитъ намъ такъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всесильныя любви.
Могуль сказать: „будь, сердце, камень, —
„Угасни огнь въ моей крови?“

Могуль сказать *прости* надеждѣ?
Мы видимъ-любимъ, другъ мой, прежде,
Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;
Полюбимъ, и въ себѣ не властны;
Умолкнетъ разумъ безпристрастный--
Лишь сердце будетъ говорить.

Когда жь, о милой другъ! намъ должно
Въ семъ мірѣ только слезы лить,
Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
Нещастнымъ щастливыми быть!
Клянуся... Небо будь свидѣтель!...
Любить святую добродѣтель,
Чтобъ рай въ томъ мірѣ заслужить,
Гдѣ все прошедшее забудемъ,
Гдѣ только милыхъ помнить будемъ;
А рай мой... тамъ съ тобою жить!

На смерть Князя Г. А. Хованскаго
Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не стало!
Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;
На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь тронетъ, должно умирать!

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величіемъ сіялъ:
Взгляни...вѣнецъ лежитъ на тронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ сталъ.

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ, „я міра побѣдитель!"
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.

Нарцисъ гордился красотою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелетъ махнулъ косою...
Прости любовь! Нарцисъ увялъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото стерегъ;

Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

Она и въ пору и не въ пору
Велитъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшитъ за гробъ переселять.

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живетъ,
И міръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ!

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.

Чего же подъ Его покровомъ
Бояться добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ
Найдутся радости для насъ. —

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ... лишь доброй человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;

Его немногіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя;
Отдать послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдемъ съ душей унылой
Ему печальный долгъ воздать:
Поплакать надъ его могилой.
Намъ также будетъ умирать!

Къ бѣдному Поэту.

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Роптать на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу милы.
Фортуна-мачиха тебя,
За что-то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Нещастныхъ пасынковъ Фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать, есть страсть
глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣпномъ тронѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплетеннымъ,
Тобой отъ Грацій полученнымъ!
Тебѣ никто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спокоинъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
Которыхъ Музы въ одахъ лгутъ
Нескладно-пышными словами.

Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна.
Не Крезъ съ мѣшками, сундуками.
Здѣсь можетъ весело жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ
Въ карманѣ тысячу рублей,
Копѣйки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль какъ Фея
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производитъ,
Въ крапивѣ нѣжный миртъ находитъ
И строитъ замки изъ песка.
Лукуллы въ нѣгѣ утонченной
Напрасно вкусъ свой притупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
Сатрапъ съ Лаисою зѣваетъ;
Платокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
Ихъ жребій: дни считать, не жить;
Душа ихъ въ роскоши истлѣла,
Подобно камню онѣмѣла
Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья.
Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
Мы только щастливы бываемъ;

Надежда золото для насъ,
Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
Въ которомъ щастье лобызаемъ.

Не сытому хвалить обѣдъ,
За коимъ Нимфы, Ганимедъ
Гостямъ амврозію разносятъ,
И не въ объятіяхъ Лизетъ
Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами питаясь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
Друзей любезныхъ и щастливыхъ
На сладкой и роскошной пиръ;
Сбери красотокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
Пѣть въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
Летать подобно Терпсихорѣ
При плескѣ радостныхъ гостей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ,сладострастнымъ взоромъ,
Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
Сердца къ тому приготовлять,
Чего ... въ стихахъ не льзя сказать.
Или, подобно Донъ-Кишоту,
Имѣя къ рыцарству охоту,

Гдѣ судъ на вѣтреность сердецъ?
Что нынѣ взору, чувствамъ мило,
То завтра будетъ имъ постыло.
Теперь вамъ нравится мудрецъ,
Чрезъ часъ понравится глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній міръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сатиръ.
Подъ скиптромъ душегубца Крона (*)
Какому постоянству быть?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно;
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любить!

И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердитъ.
Шумѣть мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видитъ, и молчитъ.
Укажутъ дверь—и онъ съ поклономъ
Ее затворитъ за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадономъ,
Пойдетъ...стихи писать домой.

Я жилъ въ Аркадіи съ тобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней!
Довольно—лучшій соловей
Поетъ не долѣе весною...

(*) Сатурна.

Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!..
И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
Рукою... на пескѣ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но *старой* другъ твой не забудетъ,
Что кто о *старомъ* помнить будетъ,
Лишится глаза какъ Циклопъ (*):
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!

(*) Руская пословица: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ."

Посланіе къ Александру Алексѣевичу Плещееву.

Мой другъ! вступая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душею,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!

О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣтьви сихъ зеленыхъ ивъ;

Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ (*).

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ *десять тысячь* было мнѣній,
Ученыхъ философскихъ прѣній,
Въ архивахъ древности сѣдой (**)
О средствахъ жить щастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно такъ, мой другъ; въ семъ счетѣ
Ошибки нѣтъ. Ѳалесъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симміи, Стильпоны,
Эсхины, Эммі, Зеноны,
Въ Ликеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щастію манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,

(*) Сіи стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣнію ивъ.

(**) Десять тысячь!! Читатель можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десять тысячь.

Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудрости растетъ;
Что въ немъ нетлѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣтетъ.
Слова казалися прекрасны,
Но только были несогласны.
Одинъ кричалъ: *ступай туда!*
Другой: *нѣтъ, нѣтъ, поди сюда!*
Чтожь Греки дѣлали? Смѣялись;
Ученой распрей забавлялись,
А щастье... называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
Бываетъ много шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также обѣщаютъ
Открыть прямой ко щастью слѣдъ;
Въ глаза же щастія не знаютъ;
Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
Живутъ, и горькими слезами
Судьбѣ тихонько платятъ сами
За право умниками слыть,
О щастьи въ книгахъ говорить!

Престанемъ льстить себя мечтою,
Искать блаженства подъ луною!

Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный Философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япетовъ сынъ эѳирный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но щастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: *да будетъ свѣтъ*
Жилищемъ призраковъ, суетъ,
Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!
Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ латы нарядились,
Плѣняся Славы красотой;
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умерщвлять людей;
Одни престоловъ захотѣли,
Другіе самыхъ олтарей;
Одни шумящими рулями
Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Отверзли въ землю темный ходъ,
Чтобъ взять пригоршни свѣтлой пыли! . . .
Мечты всѣмъ головы вскружили,
А горесть врѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдитель

И странъ безчисленныхъ властитель
Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
И часто самъ того не знаетъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко щастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ,
Провелъ и кончилъ жизнь въ страданьѣ —
А сей вздыхающій скелетъ,
Которой богомъ чтитъ стяжанье,
Среди богатствъ въ тоскѣ живетъ!..
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ
Глазами волны перечтетъ?
И кто представитъ намъ въ картинѣ
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чтожь дѣлать намъ? Ужель сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда проститься,
Когда, къ нещастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынѣ щастливѣе насъ!

Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ страсти гласъ
Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце станетъ унывать,
Въ груди холодной тосковать,
Не зная, чѣмъ ему заняться.
Тогда пустыннику явятся
Химеры, адскія мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищъ грозныхъ милліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумятъ,
И страхомъ умъ его затмятъ (*)...
Въ тоскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въономъ нѣтъ;
Хотя въ немъ горесть обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,

(*) Многіе пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тьмѣ густой, въ печальной млѣ
Сверкнетъ лучь солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ во-
ленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ;
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ;
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ *свой* имѣетъ,
Въ *сей день* для *дня сего* живетъ
И мысли вдаль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому нещастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна

И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ дру-
гомъ,
Любимымъ, щастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется,
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ ве-
черній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

Отвѣтъ моему пріятелю, которой хотѣлъ, чтобы я написалъ похвальную оду Великой ЕКАТЕРИНѢ.

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, Которая порфирой
Скоро весь обниметъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнетъ
Пѣть гремящей Зевса славы;
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

Блескъ Россійскія державы
Очи бренныя слѣпитъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтѣ тронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать отечества сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щастіе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.

Что Богинѣ наши оды?
Что Великой пѣснь моя?
Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала—дѣла Ея;
Имъ дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю.

Къ ней.

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, тобою воспаленный,
Погаснетъ ли когда въ крови?
Погаснетъ съ жизнію, не прежде!

И мнѣль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль бабочкой порхать, въ надеждѣ
Другую болѣе любить?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можетъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю.
Не станетъ сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою—
Чтобъ щастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрыть
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

Двѣ пѣсни.

I.

Мы желали — и свершилось!..;
Лиза! Небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный часъ!

Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ....
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, естьли должно
Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе услаждаетъ,
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я навѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любятъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа́ моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: *милой!*
Проходитъ грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нещастливъ безъ тебя.

Но естьли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я нещастной?...
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

Приписаніе къ Гжѣ. N, которая желала, чтобъ я списалъ для нее сіи двѣ пѣсни.

Невольникъ въ тягостныхъ цѣпяхъ
О волѣ милой помышляетъ,
Старикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;
Томимый жаждой, вспоминаетъ
О свѣтлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
А я чѣмъ сердце занимаю?
О щастливой любви мечтаю!

Соловей, Галки и Вороны.

Басня.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ любезный соловей.
Пришла опять весна: гдѣ другъ души моей?
Ахъ, нѣтъ его! За чѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ? Въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ. Онѣ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!
Чтожъ дѣлать соловью? — Летѣть подалѣ прочь!

Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

Прощаніе.

Ударилъ часъ — друзья простите!
Иду — куда, вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросить *тамъ*, для чего мы *здѣсь*,
друзья, живемъ!

Къ самому себѣ.

Прости, надежда!.. и навѣкъ!..
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать? обливаться
Рѣкою горькихъ, тщетныхъ слезъ?
Стенать во прахѣ и терзаться?..
Что пользы? Рока и Небесъ
Не тронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣть? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя отрада,
За всѣ нещастія награда —
Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!..
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красотою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зерцало водъ,

И птички въ радостной свободѣ
Поютъ: *будь веселъ, улыбнись!*
Поютъ согласнымъ, нѣжнымъ хоромъ.
А ты стоишь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной?.. Ободрись,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Катономъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носить безсмертія вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый лютыхъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣтомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирать,
Нещастье съ щастьемъ презирать!

Я столько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался!..
Въ минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!

Такъ нѣкій зодчій, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя

О славѣ дѣла своего;

Но вдругъ огромный храмъ трясется,

Падетъ .... упалъ .... и нѣтъ его! ...

Что жь бѣдный зодчій? онъ клянется

Не строить впредь, безпечно жить ——

А я клянуся ... не любить!

Пѣсня.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Мнѣ горы золота сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ наконецъ....
И чтожь? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецъ!

Нѣтъ полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Тотъ вѣкъ нещастливъ будетъ съ вами,
Кто любитъ прямо, не словами.
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ Селадономъ,
Твердить *увы* печальнымъ тономъ,
И вѣкъ служить потѣхой вамъ!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Время.

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ томитъ;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласиться должно
Ему такимъ же зломъ платить,
И дѣлать все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубить.

Къ Мелодору.

Въ отвѣтъ на его Пѣснь Любви.

Когда блѣднѣетъ все въ подлунномъ мрачномъ мірѣ,
И жертвы плаваютъ въ дымящейся крови (*),
Тогда, о Мелодоръ! на кроткой, нѣжной лирѣ
Играя, ты поешь о сладостяхъ любви?
Умолкни, милой другъ!.. Кто будетъ наслаждаться
Гармоніей твоей? кто ею восхищаться?..
Но нѣтъ! играй и пой, любезнѣйшій Орфей!
Поетъ и въ страшный громъ на миртахъ соловей (**)!

(*) Тогда была война.

(**) Сіи стихи писаны во время грому — и въ самую ту минуту пѣлъ соловей.

Хлоя.

Пусть свѣтъ злословный утверждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
„Кого же? вѣрно не тебя?"
Ахъ, нѣтъ!.. себя!

Лилея.

Я вижу тамъ лилею:
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать;—
Хочу — но рокъ меня съ лилеей разлучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зіяетъ!..
Тоска терзаетъ грудь мою;
Стою печально, слезы лью.

Взираю издали на нѣжную лилею—
Она сотворена быть, кажется, моею,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ стебелёкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣтокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ . . . но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: *она не для тебя!*
Увянетъ не съ твоей слезою;

Другой сорветъ ее холодною рукою
А ты . . . смотри, терзай себя!

О Лиза! я съ тобою
Душей дѣлиться сотворенъ,
Но бездной разлученъ!

Гекторъ и Андромаха.

Переводъ изъ шестой книги Иліады.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у воротъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее стоитъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

Безмолвствуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.
„О Гекторъ!" — говоритъ печальная въ слезахъ —
„Ты хочешь умереть! оставить сиротою
„Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!
„Ахъ! можно ль жить тому, кто жизни не щадитъ?
„Геройство, храбрый духъ тебя не защититъ.

,,Враги безчисленны: тебѣ погибнуть должно! ...
,,О боги! естьли вамъ спасти его не можно,
,,Пусть прежде я навѣкъ сомкну глаза свои!
,Въ печали, въ горести возникли дни мои:
,,Въ печали, въ горести имъ должно и скончаться!
,,Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ буду утѣшаться?
,,Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ лежатъ.
,,Озлобленный Ахиллъ разрушилъ славный градъ,
,,Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убійственной рукою
,,Лишивъ меня отца, Ахиллъ почтилъ слезою
,,Его пустынный гробъ, надъ коимъ царскій щитъ,
,,Блестящее копье и шлемъ съ мечемъ виситъ;
,,Гдѣ тлѣетъ прахъ его подъ тѣнью древъ священныхъ,
,,Руками Ореадъ въ семъ мѣстѣ насажденныхъ

„И братія мои въ невинности своей
„Погибли на зарѣ цвѣтущихъ, юныхъ дней.
„Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
„Гдѣ съ агнцами они играя веселились.
„Смерть въ младости страшна! Осталась мать моя;
„Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ жребіемъ ея;
„Когда же наконецъ въ отчизну возвратилась,
„Отъ горести и слезъ въ міръ тѣней преселилась.

„Но я не сирота, пока супругъ мой живъ;
„И съ Гекторомъ судьбу мою соединивъ,
„Родителей, друзей и братій въ немъ имѣю.
„Въ тебѣ они живутъ: ты смертію своею
„Ихъ снова умертвишь. — Ахъ! сжалься надо мной...
„ Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмолвнымъ сиротой!
„Сей день ужасенъ мнѣ: останься, Гекторъ, съ нами!

„Пусть воины твои сражаются съ врагами;
„Но ты останься здѣсь, и городъ защищай.
„Смотри, какъ вождь Атридъ, какъ храбрый Менелай,
„Аяксъ, Идоменей, Ахейскіе Герои,
„Стремятся дерзостно къ вратамъ священной Трои:
„Будь стражемъ нашихъ стѣнъ; супругу успокой!“

„Что скажутъ обо мнѣ (отвѣтствуетъ Герой)
Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защитникъ трона
Родителей моихъ? — Кто съ самыхъ юныхъ дней
Учился не робѣть сверкающихъ мечей;
Кто въ битвахъ возмужалъ, и дышетъ только славой,
Тому опасности всѣ должны быть забавой.
Сіянье дѣлъ моихъ затмится ль нынѣ вдругъ?...
Погибнетъ не въ стѣнахъ, но въ полѣ твой супругъ!

Увы! настанетъ день, предсказанный
Судьбою,
Настанетъ въ ужасѣ, и въ прахъ низ-
вергнетъ Трою!..
Падетъ, разрушится священный Илі-
онъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ свѣт-
лый тронъ!
Падутъ его сыны!.. Фригійская дер-
жава
Исчезнетъ какъ мечта — умолкнетъ
наша слава!..
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
Не гибель Фригіи и рода моего,
Не жалостная смерть родителей по-
чтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убіен-
ныхъ,
Но участь слезная супруги моея...
Стенаніе, тоска неволи твоея
Въ отечествѣ враговъ!... Тамъ гордый
побѣдитель,
Троянскихъ древнихъ стѣнъ свирѣ-
пый сокрушитель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ ве-
личать,
Чтобъ горестью твоей свой злобный
духъ питать;
Велитъ тебѣ итти съ фіалою зла-
тою

На Гиперійскій ключь, за пѣнистой водою—
И мстительной народъ, твою печаль любя,
Съ коварной радостью тамъ спроситъ у тебя:
Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?
Ты тяжко воздохнешь, и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою!... Но прежде боги мнѣ
Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ снѣ
Не буду зрѣть, что ты, любезная, страдаешь—
Пока твой Гекторъ живъ, печали не узнаешь!"

Сказавъ сіе, Герой младенца хочетъ взять,
Чтобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обнять;
Но грозный шлемъ его младенца устрашаетъ:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываетъ.—
Съ улыбкой Гекторъ зритъ на сына своего,

И черный, грозный шлемЪ снимаетЪ
для него;
БеретЪ любезнаго, цѣлуетЪ сЪ восхищеньемЪ,
И вверьхЪ его поднявЪ, вѣщаетЪ сЪ
умиленьемЪ:
„Премудрый царь боговЪ, всесильный
богЪ ЗевесЪ!
И вы, безсмертные властители небесЪ!
Храните дни его! ПодЪ вашею защитой
Да будетЪ онЪ Герой, вЪ потомствѣ
знаменитой;
Да будетЪ ГекторомЪ щастливѣйшихЪ временЪ....
УкрашенЪ славою и храбрыми почтенЪ,
УжасенЪ для враговЪ, непобѣдимый
воинЪ!
Да скажутЪ всѣ обЪ немЪ: *сей сынЪ
отца достоинЪ,*
*БезсмертенЪ по дѣламЪ и подвигамЪ
своимЪ!* . .
И сердце матери да радуется имЪ!"—

СказавЪ, любезнаго младенца ей вручаетЪ.
Она беретЪ его и кЪ сердцу прижимаетЪ,

Покоитъ на груди, усмѣшкой веселитъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеститъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ страха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ: „Андромаха!
„Ты плачешь?.. Ахъ! почто безвре-
„менно страдать?
„Не властенъ у меня врагъ злобный жизнь отнять,
„Доколѣ я хранимъ державными богами.
„Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
„И рано ль, поздно ли, скончается нашъ вѣкъ;
„Неустрашимый вождь и робкій человѣкъ—
„Со славой иль стыдомъ — низыдетъ въ гробъ безмолвно,
„Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей... Но полно!
„Поди, любезная! и дома скорбь разсѣй
„Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, стукъ мечей
„Зоветъ меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,

„Быть должно впереди,— быть тамъ,
где врагъ сильнѣе.“

Герой въ послѣдній разъ на милую воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу... и грозный шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться—
Идетъ въ свой тихій домъ слезами обливаться —
Взираетъ издали на друга своего —
Взираетъ.... но уже вдали не зритъ его!
Вздохнувъ, спѣшитъ она въ чертогъ уединенный,
Древами мрачными печально осѣненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ смерть
Супруга своего; зритъ въ мысляхъ предъ собою
Его кровавый трупъ, несомый тихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ... И солнце для нее
Утратило навѣкъ сіяніе свое.

Посланіе къ женщинамъ.

The gen'rous God, who wit and gold refines (*),
And ripens spirits as he ripens mines,
To you gave ſenſe, good humour and...
a Poet. — *Pope.*

О вы, которыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже нѣтъ:
Спокойствіе и вольность; —
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣтерокъ перомъ,
Тогда еще, какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,
Считалъ себя богатырёмъ,
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ...

(*) То есть Фебъ или Аполлонъ.

(И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной *Розѣ*,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодить; чтобъ *Роз*. мнѣ была
Обязана своей забавой)....
О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить(*),
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отличность заслужить,
Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явиться и сказать: ,,для васъ, для васъ и вами!
,,Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду... поцѣлуй!"
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечь въ ножны (,,Россія торжествуй,
Сказалъ я, безъ меня!")... и, вмѣсто острой шпаги,

(*)Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армію.

Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ, творцомъ,
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей щастливыхъ и нещастныхъ,
То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:
„Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
„Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
„Слова для тонкихъ чувствъ находитъ!“—
О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.
Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ, говоритъ!
Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою

Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ
всей душою.
Любовь стихи животворитъ,
И старому даетъ видъ новой.

Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ другимъ
начать? —
Что вы родитесь свѣтъ моральный
украшать,
Который бы безъ васъ въ угрюмости
суровой
Былъ самой *мрачной свѣтъ.*
Нещастный *Мизогинъ* (*) въ Сибири
ввѣкъ живетъ:
Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величіи
сіяетъ —
Душа его отъ хлада умираетъ.
Къ сердцамъ и къ щастію Судьбой
вамъ отданъ ключь;
У васъ въ очахъ блеститъ небесный,
тихій лучь,
Который показать намъ долженъ путь
къ блаженству,
Добру и совершенству;
Другимъ путемъ къ тому вовѣки не
дойдемъ.
Три страсти правятъ свѣтомъ:
Одна имѣетъ *честь* предметомъ,

(*) То есть, *ненавистникъ женскаго пола.*

Другая *золото*, а третьею живемЪ
Для вашихЪ милыхЪ глазЪ. АхЪ! первая доводитЪ
Людей до страшныхЪ бѣдЪ, злодѣевЪ производитЪ,
ЖестокихЪ, мрачныхЪ СиллЪ
И яростныхЪ АттилЪ.
ТамЪ льется кровь рѣкой, здѣсь градЪ вЪ огнѣ пылаетЪ—
На что?.... Герой (*) желаетЪ
Сказать: „*я побѣдилЪ*,
„И честь безсмертія геройствомЪ заслужилЪ!"
Но дни побѣдами считая,
Пусть скажетЪ, много ли минутЪ блаженныхЪ счелЪ
ОнЪ вЪ жизни для себя? и лавромЪ *осѣняя*
Надменное чело, не часто ли хотѣлЪ
Укрыться вЪ *сѣнь* лѣсовЪ, чтобЪ жертвЪ, его рукою
СраженныхЪ, не видать,
ИхЪ вопля не слыхать?

(*) То есть ложной Герой, Аттила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего отечества. — Здѣсь АвторЪ представляетЪ *честолюбіе* только сЪ дурной стороны; о хорошей — молчитЪ.

Путь славы не ведетъ къ сердечному
покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слёзъ.
Ахъ! щастье любитъ миръ, отъ шума
убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уставъ!

Кто жь въ златѣ душу полагаетъ,
Тотъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обрѣтаетъ
Ни въ златѣ, ни... въ самомъ
себѣ!
Всегда какъ червь ползетъ во
прахѣ;
Всегда живетъ въ ужасномъ стра-
хѣ,
Чтобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Таится какъ сова въ тѣни ночей уны-
лыхъ,
Боясь, чтобы Фебъ его не освѣтилъ
И золота въ мѣшкахъ лучемъ не
растопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ
немъ трепещетъ...
„Конечно воръ ко мнѣ идетъ!“...
Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы
блещетъ —

И сей безумный человѣкъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

Но кто плѣнится вами,
Любезныя мои, какъ милъ бываетъ тотъ,
Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ, намъ безвѣстныхъ, —
Вверьху, за солнцемъ, выше звѣдъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ мѣстъ,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ — для суетъ житейскихъ;
Живетъ — лишь для любви, и зритъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,

Чтобъ въ сельскомъ кровѣ мирномъ
Питать въ груди своей чувствительность, покой.
Гдѣ тихо горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью милуютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ миртахъ вьютъ;
Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяютъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ утренній блестятъ на тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ сребристыхъ,
Съ любезною своей въ восторгахъ дни ведетъ,
И только лишь отъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,
И только лишь отъ щастья слезы льетъ.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приближится ль къ нему

Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ —
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣстѣ наслаждался,
Любился, восхищался .....
Велите мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я изберу, усердіемъ горя
Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ нѣжнѣе,
Того, кто всѣхъ страстнѣе
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы щастливъ былъ!
Ахъ! самой лютой воинъ,
Который ввѣкъ на ратномъ полѣ *жилъ*,
(И *жизни* былъ едваль достоинъ!)
Смягчается душей, восчувствовавъ любовь;
Услышавъ имя той, которою пылаетъ,
Щадитъ враговъ сраженныхъ кровь,
И мечь подъятый... опускаетъ.
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку заслужить,

Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ
благодѣтель.

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша
добродѣтель!
Пусть строгій мужъ Зенонъ въ угрю-
мости своей
Кричитъ, что должно жить намъ въ
свѣтѣ безъ страстей,
Людьми лишь называться,
Но камнемъ въ сердцѣ быть:
Ученію сему въ архивахъ оставаться,
Въ сердцажь вовѣки не входить;
Природа, истина его не освятили
Печатію своей. Сей разумъ, коимъ
насъ
Судьбы благія одарили,
О коемъ мудрецы твердятъ намъ
всякой часъ,
Не есть ли тщетный даръ безъ склон-
ностей сердечныхъ?
Онѣ-то движутъ насъ; безъ нихъ
и умъ молчитъ.
Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,
Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;
Но кормщику не можно
Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь
править должно
Кормиломъ жизни сей:

Насъ по морю несетъ шумящій вѣтръ
страстей...
Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зе-
фиромъ,
Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Къ щастливой пристани, гдѣ съ
миромъ
Насъ Геній тихой смерти ждетъ!

„Но часто страсть любви насъ къ
горестямъ ведетъ!"
Не часто, — иногда: такъ тихая
лампада,
Во тьмѣ для мудраго отрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мо-
тыльковъ:
Уже ли для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ
вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.
Злощастный Вертеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закры-
ваю...
Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олтарей, гдѣ милый
Купидонъ
И скромный Гименей навѣкъ соединя-
ютъ

Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

Но за одну ли страсть достойны вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милыя, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей ждетъ.
Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукой быть можетъ возращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣтаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучь кротости впиваетъ,
И зрѣетъ нѣжною душей.

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ Судьбой!

Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ
быть тобой!

Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой
земли,

На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, ми-
лый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соеди-
ненъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ
наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣт-
ство;
Ты въ лѣтахъ юноши меня къ до-
бру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей
была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обни-
маю,
И въ вѣчности тебя узнаю!...

Простите мнѣ, что я о мертвой вспо-
мянулъ,
И съ горестью вздохнулъ!

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ нѣжнымъ криномъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясминомъ,
И тысячи цвѣтовъ
Пестрѣютъ на брегу кристальныхъ ручейковъ,
Не знаешь, что хвалить, надъ чѣмъ остановиться,
На что смотрѣть, чему дивиться:
Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хвалить ли въ васъ то чувство,
Которымъ истину находите въ вещахъ (*)
Скорѣе всѣхъ мущинъ? Намъ надобно искусство,
Трудиться разумомъ, работать, размышлять,
Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ вертепахъ темныхъ
И въ кладезяхъ подземныхъ:

(*) Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться *острому понятію* женщинъ, которое Лафатеръ называетъ *чувствомъ истины*. Мущина десять разъ перемѣняетъ мысли свои; женщина остается при *первомъ чувствѣ*, — и рѣдко обманывается.

I.

Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ;
Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ....
Скажите, отъ чего мудрецъ Сократъ милѣе
Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его
Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе
Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — отъ того,
Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей былъ друженъ.
Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ *умъ* людей плѣнить, подобно какъ *сердца*
Умѣете плѣнять. Любезность мудреца
Должна быть истинѣ приправой;
Иначе скученъ намъ и самый разумъ здравой —
Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

Хвалить ли въ васъ тотъ жаръ,
Съ которымъ вы всегда добро творить готовы?
Вамъ милы бѣдныхъ кровы;
Для васъ они священный храмъ,
Гдѣ добродѣтели небесной
Рукою вашею прелестной

Курится виміамъ.
У васъ учиться должно намъ,
Какъ ближнему служить. Я видѣлъ женъ прекрасныхъ,
Которыхъ юный вѣкъ тому лишь посвященъ,
Чтобъ муки утолять нещастныхъ(*);
Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, страданіе и смерть!
Съ какою кротостью ихъ голосъ увѣщаетъ
Болящихъ не роптать на Бога, но терпѣть!
Колѣна преклонивъ, одна у Неба проситъ
Имъ здравія, или ... спокойнаго конца;
Другая питіе цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ тоскующихъ сердца.
Своею красотою
Могли бъ онѣ Царей плѣнять;
Но имъ милѣе быть съ болѣзнью, нищетою,
Чтобъ бремя ихъ сколь можно облегчать!

(*) Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, Soeurs grifes, которыхъ нѣжному человѣколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ.

Я былъ тому свидѣтель,
И слезной, пламенной рѣкой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! благость, добродѣтель
Священнѣе всего являютъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!

Хвалить ли васъ, друзья мои, за даръ полезной
Мущинъ развеселять
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлать намъ? Другъ друга усыплять
Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ!
Явитесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,
И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучь сверкнетъ; нашъ разумъ оживится;
Чтобъ милымъ полюбиться,
Мущина самъ бываетъ милъ...

Но ктобъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полезны,
Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ *наукѣ числить* былъ.
Довольно, что вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе,

Почти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности примѣръ.
Пусть васъ злословитъ — лицемѣръ,
Которой для того красавицъ порицаетъ,
Что средства нравиться красавицамъ не знаетъ!
Скажите, что *любезенъ онъ* —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ ... Селадонъ!

Положимъ, что найти въ васъ слабости возможно;
Но развѣ отъ того луна ужь не свѣтла,
Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,
И кроткой свѣтъ ея Поэтамъ славить должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучь
Тьму ночи озаряетъ,
А прелесть ваша намъ отраду въ грудь вливаетъ
Среди печальныхъ жизни тучь.

Гдѣ только люди просвѣтились,
Жить, мыслить научились,

Мущины обожаютъ васъ.
Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленьи;
Гдѣ смертныхъ родъ во тьмѣ невѣжества погрязъ;
Гдѣ санъ, права людей въ презрѣньи,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насильствъ, предразсужденій!
Когда всемощная Судьба
Въ тебѣ разсѣетъ мракъ нещастныхъ заблужденій,
И нѣжный полъ отъ узъ освободитъ?
Когда познаешь ты пріятность вольной страсти?
Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,
Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?
Когда не гнусной стражъ, не крѣпость мрачныхъ стѣнъ,
Но вѣрность красотѣ хранительницей будетъ?
Когда въ любви тиранъ-мущина позабудетъ,
Что больше женщины онъ силой надѣленъ?
Когда? когда?... Уже Дщерь Неба, Другъ Судбины,
Воззрѣла на тебя — орлы ЕКАТЕРИНЫ

Къ твоимъ странамъ летятъ,
летятъ,
И человѣчества любезной половинѣ
Тамъ вольность возвѣстятъ!...
Хоръ женщинъ загремитъ: *хвала и
честь Богинѣ!*

Цвѣти, о нѣжный полъ! и сыпь на
насъ цвѣты!
Исчезли для меня прелестныя меч-
ты —
Уже я не могу плѣнять васъ красо-
тою,
Ни юностью своей: весна моя прошла;
Зрю осень предъ собою,
А осень, говорятъ, скучна и не ми-
ла!
Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ
отрадой,
И сладкою наградой
За то, что въ жизни я отъ злыхъ му-
щинъ терплю;
Но всё, но всё еще люблю
Въ Апрѣлѣ рвать фіялки съ ва-
ми,
Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни
надъ ручейками,
Въ печальномъ Октябрѣ грустить и
тосковать,

Чертогамъ золотымъ и славѣ пред-
почту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? *Онъ
любилъ:
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ дру-
гомъ былъ!*

Графъ Гвариносъ.

Древняя Гишпанская Историческая пѣсня.

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ Рыцарей своихъ.

И Гвариносъ былъ пойманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносѣ Цари;
Семь разъ сряду достается
Марлотесу онъ на часть.

Марлотесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
„Ты послушай, что я молвлю,
„О Гвариносъ!“ онъ сказалъ.

„Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру прiими!
Все возми, чего захочешь,
Что приглянется тебѣ.

„Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую такъ возьми,

„Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравiю приданымъ
Я за дочерью отдамъ.“

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлотесу онъ сказалъ:
„Сохрани Господь небесный
И Марiя, мать Его,

„Чтобъ Гвариносъ, Христiянинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Францiи невѣста
Дорогая ждетъ меня!“

Марлотесъ, пришедши въ ярость,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
„Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;

„И въ темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гніетъ тамъ понемногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!

„Цѣпи тяжки, въ семь сотъ фунтовъ,
Возложите на него,
Отъ плеча до самой шпоры —
Страшенъ въ гнѣвѣ Марлотесъ!

„А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Въ кровь его тогда сѣките
Предъ глазами всѣхъ людей."

Дни проходятъ, дни приходятъ
И насталъ Ивановъ день;
Христіяне и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

Христіяне сыплютъ галгантъ (*);
Мирты мечетъ всякой Мавръ (**).
Въ почесть празднику заводитъ
Разны игры Марлотесъ.

(*) Индѣйское растѣніе.
(**) Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы галгантомъ и миртами.

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасть въ нее копьемъ.
Всѣ свои бросаютъ копья,
Всѣ Арабы мѣтятъ въ цѣль.

Ахъ напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока.
Марлотесъ велѣлъ во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявить:

„Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ ни пить, ни ѣсть,
Естьли цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!“

И Гвариносъ шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
„Мать Святая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?

„Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать за-мужъ дочь свою?
Не меня ли сѣчь жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?“

Стражъ темничный то подслушалъ.
„О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ..

„Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.

„Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасть;
По чему Король во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявилъ:

„Пить и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.“
Тутъ Гвариносъ встрепенулся;
Слово молвилъ онъ сіе:

„Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайте мнѣ копье булатно,
Коимъ я враговъ разилъ.

„Цѣль тотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Естьли жь я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.“

„Какъ!“ на то тюремщикъ молвилъ:
„Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожить;

„И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказатъ Инфанту,
Что теперь ты говорилъ.“

Скоро, скоро поспѣшаетъ
Стражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инфанту,
И приноситъ вѣсть ему:

„Знай, Гвариносъ Христіянинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Естьли дашь ему коня.“

Марлотесъ, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

„Ну, ступай!“ сказалъ съ насмѣшкой
Марлотесъ, Арабской Царь:
„Покажи намъ, храбрый воинъ,
Какъ сильна рука твоя!“

Такъ какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчится сей Герой;
Мечетъ онъ копье булатно—
На землѣ вдругъ цѣль лежитъ.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него;
Но Гзариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчетъ.

Солнца свѣтъ почти затьмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гзариноса всѣ вдругъ.

Но Гзариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

Послѣдния слова умирающаго.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.

Любовь и дружба.

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

Печаль и радость.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другой *боязнь* дана.

Страсти и безстрастіе.

Какъ бѣденъ человѣкъ! намъ страсти горе, мука;
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и вѣкъ зѣвай!

Спорщикъ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

Любовь ко врагамъ.

Взгляните на меня: я въ двадцать
лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва та-
скаю ноги;
Смотрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперь
я Иръ убогій." —
Какой же адской духъ съ тобою такъ
сшутилъ? —
„Красавицы: увы! я страстно ихъ
любилъ!" —
За чтожь, когда онѣ тебѣ врагами бы-
ли? —
„Насъ учатъ, чтобы мы враговъ сво-
ихъ любили!"

Къ невѣрной.

Разсудокъ говоритъ: „все въ мірѣ
есть мечта!"
Увы! нещастливъ тотъ, кому и серд-
це скажетъ:
„Все въ мірѣ есть мечта!"
Кому жестокій Рокъ то опытомъ до-
кажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ниче-
го:
Онъ ищетъ лишь... могилы!...
Я слышалъ страшный гласъ, гласъ
сердца моего,
И съ прелестью души, съ надеждою
простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могу ль себя лю-
бить?...
Кто въ жизни испыталъ всю сладость
нѣжной страсти,

И нравился тебѣ, тотъ... *жилъ*, и долго жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ рокъ опредѣлилъ.
Ахъ! естьлибъ было въ нашей власти
Вовѣки пламенно любить,
Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,
Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ свѣтомъ;
Тогда бы человѣкъ былъ зависти предметомъ
Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ
Скучать я не хочу: упреки безполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны.
Любви покорно все, любовь... одной Судьбѣ.
Когда отъ сердца сердце удалится,
Напрасно звать его: оно не возвратится.
Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
Въ пустынѣ мертвой, на пескахъ,
Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ,
Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:

„Тамъ пѣли соловьи, там миртъ
душистый цвѣлъ!“
Сей мыслію себя страдалецъ лишь терзаетъ,
Но всѣ нещастные о щастьи говорятъ.
Имъ участь . . . вспоминать, щастливцу . . . наслаждаться;
Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тасовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
И сердце юноши быть вѣтренымъ учили;
Но я влюблялся не любя.
Когда жь узналъ тебя;
Когда дрожащими руками

Обнявъ другъ друга, все забызъ —
Думя горящими сердцами
Союзъ священный заключивъ —
Мы небо на землѣ вкусили,
И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ;

Ея восторгомъ изнуренной,
Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,

Прелестнѣйшей, блаженной!...
Но Рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
За щастье должно намъ нещастіемъ платить.

Какая смертная какъ ты была любима,

Какъ ты боготворима?
Какая смертная была
И столь любезна, столь мила?
Любовь въ тебѣ пылала,
И подлѣ сердца моего
Любовь, любовь въ твоемъ такъ сильно трепетала!
Съ небесной сладостью дыханья твоего
Она лилась мнѣ въ грудь. Что слово, то блаженство;

Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой
свѣтъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершен-
ство,
Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной
любилъ.
Единый часъ разлуки
Былъ сердцу моему несноснымъ го-
домъ муки;
Прощаяся съ тобой,
Прощался я съ самимъ собой...
И съ чувствомъ обновленнымъ
Къ тебѣ въ объятія спѣшилъ;
Въ душевной радости рѣкою слезы
лилъ;
Въ блаженствѣ трепеталъ... не смер-
тнымъ, богомъ былъ!..
И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ
священнымъ!
Я землю цѣловалъ,
На кою ты ступала;
Какъ Нектаръ воздухъ пилъ, кото-
рымъ ты дышала..
Увы! отъ щастья здѣсь никто не
умиралъ,
Когда не умеръ я!... Оставить міръ
холодный,
Который врагъ чувствительнымъ
душамъ;

Обнявшись перейти въ другой, гдѣ мы свободны
Жить съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ предразсужденій,
Безъ всѣхъ нещастныхъ заблужденій;
Гдѣ Богъ улыбкой встрѣтитъ насъ...
Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!....
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!
Такъ думалъ я... и что жь? на розѣ устъ небесныхъ,
На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ

Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: *торжествуй:*
Люблю тебя! . . . Еще ты рукъ не опускала,
Которыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужь былъ въ объятіяхъ твоихъ....
Иль въ сердцѣ . . . все одно! Безъ тучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ своимъ, нещастный!
И думалъ на яву, что вижу всё во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая; холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла! . . .
Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла! . . .

Какъ можно разлюбить, что намъ казалось мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?
Однажды чувства истощивъ,

Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти
Невѣрную забыть? Однажды полюбивъ,
Я долженъ вѣкъ любить; изчезну обожая.

Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у тебя —
Блаженствуй! — Самый гробъ меня не утѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:
Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ;
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать!

Къ вѣрной.

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...
И сердце милое твое
Опять, опять *мое*!
Къ твоимъ ногамъ въ восторгѣ упадаю...
Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...
Сладчайшія слова: *души моей супругъ*,
Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю!...
Ахъ! какъ благодарить Творца!...
Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю!...

....

Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставя мучиться тебя,
Преступникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно

Нещастіе мое. И ты сама . . . прости . . .
Воспоминаніе душѣ моей ужасно! . . .
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа
найти (*).
Теперь, теперь стыжусь, и впредь кля-
нусь не вѣрить
Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣрить и твоимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить
Меня въ любви своей. На сердце укажу,
Взгляну съ улыбкою, и съ твердостью
скажу:
„Оно, мой другъ, спокойно;
„Оно тебя достойно
„Надежностью своей.
„Испытывай меня!" — Пусть преле-
стью твоей
Другіе такъ же заразятся!
Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — на-
дежды *плодъ!*
Изъ нихъ пусть каждый щастья
ждётъ:
Я буду щастьемъ наслаждаться.
Ихъ жребій: *милую любить;*
Мой жребій: *милой милымъ быть!*
Хотя при людяхъ намъ не льзя еще
словами

(*) Темно; можно только догадываться.

Люблю другъ другу говорить;
Но страстными сердцами
Мы будемъ всякой мигъ *люблю*, *люблю* твердить —
(Другимъ языкъ сей непонятенъ;
Но голосъ сердца сердцу внятенъ) —
И взоръ умильный то жь украдкой подтвердитъ.
Снесу жестокость принужденья —
(Что дѣлать? такъ Судьба велитъ) —
Снесу въ блаженствѣ увѣренья,
Что ты моя въ душѣ своей.
Ахъ! истинная страсть питается собою;
Восторги чувствъ не нужны ей.
Я знаю, что меня съ тобою
Жестокій рокъ готовъ надолго разлучить;
Скажу тебѣ... *прости!* и долженъ буду скрыть
Тоску въ груди моей!... Обильными слезами
Ее не облегчу въ присутствіи другихъ;
И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ!...
Разстаться тяжело съ сердечной половиной;

Но... *я любимъ тобой*: сей мыслію единой
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озарится.
Разлука опытъ намъ:
Кто опыта страшится,
Тотъ вѣрно не любимъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую страсть всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огнь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.
Когда души единственный предметъ
У насъ передъ глазами,
Мы знаемъ то одно, что весело любить;
Но чтобъ узнать всю власть его надъ нами —
Узнать, что безъ него душѣ не можно жить...
Разстанься съ нимъ!... Любовь питается слезами,
Отъ горести растетъ;
И чувство, что не льзя преодолѣть намъ страсти,

Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокія смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ... будетъ твой супругъ.
Ахъ! станемъ жить; съ надеждой жизнь прекрасна;
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —
Изчезнутъ для меня съ отбытіемъ твоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ воображеньи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеньи,
Построю (*) *доликъ* для тебя,
Для насъ двоихъ, надъ тихою *рѣкою*
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: „въ семъ *доликѣ* живи
„Съ любовью, щастьемъ и со мною:
„Для прочаго умремъ. Прельщаяся тобою,

(*) Въ мысляхъ.

„Я прелести ни въ чемъ иномъ не нахожу.
„Тебѣ всѣ чувства посвящаю:
„Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?
„Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?
„Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!
„Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;
„Пусть будемъ въ ней мы только двое!
„Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.
„Что сердцу надобно? найти, любить другое;
„А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,
„И свѣту говорю: *прости!*"

Прелестный *доликъ* сей вдали насъ ожидаетъ;
Теперь его Судьба завѣсой покрываетъ,
Но онъ явится намъ: въ немъ буду жить съ тобой,
Или мечту сію... возьму я въ гробъ съ собой.

Долина Іосафатова,

или

Долина спокойствія.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣтелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

Молчатъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ зверей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ нѣжности сѣтей;

Гдѣ хитрый богъ, любящій слёзы,
Не мещетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на брегъ .... но вдругъ
Съ отливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.

Уже ль во мрачности тумана
Мнѣ вѣкъ игралищемъ служить
Шумящимъ вѣтрамъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружить?

Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечтой;
Любилъ, надѣялся, страшился:
Ахъ! время мнѣ вкусить покой!

Навѣкъ въ груди угасни пламень!
Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

Эпитафія.

Онъ жилъ въ семъ мірѣ для того,
Чтобъ жить — не зная, для чего.

Стихи на день рожденія А. А. П — ой, 14 Октября.

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась—
не весною —
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ
тобою.

Тріолетъ Алетѣ (*), въ тотъ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ.

Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Четырнадцати лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.

(*) Тріолетъ есть игрушка въ стихотворствѣ. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ осьми стиховъ равной мѣры, и на двѣ риѳмы; чтобы четвертой стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и осьмой повтореніемъ перваго и втораго.

Тріолетъ Лизетѣ.

„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
„Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
„Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.“
Когда же злость ея узналъ...
„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы, въ которыхъ она клянется Хлоѣ, другу своему, любить ее пламенно и вѣчно, оставляя для Купидона только маленькой уголокъ въ сердцѣ.

На первой случай всѣмъ доволенъ Купидонъ;
За тѣсной *уголокъ* спасибо скажетъ онъ,
И въ немъ, какъ можетъ, помѣстится.
Но скоро уголокъ его распространится;
Любовь весь домъ займетъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.

IM-PROMPTU

Графинѣ Р**, которой въ одной святошной игрѣ досталось быть Королевою.

Напрасно говорятъ, что случай есть слѣпецъ:
Сію минуту онъ вручилъ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.

IM-PROMPTU

двумЪ молодымЪ дамамЪ, которыя вЪ маскахЪ подошли кЪ Автору, и хотѣли увѣрить его, что онЪ ихЪ не знаетЪ.

Ничто, ничто сокрыть ЛюбезныхЪ не могло!
На васЪ и маска какЪ стекло.
Прелестныя глаза ПрелестныхЪ обличаютЪ:
ПодЪ маскою они не менѣе сіяютЪ.
ВзглянулЪ — и сердце мнѣ
Сказало: вотЪ онѣ!

Делiины слова.

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нѣжность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ!

Надпись къ дамской табакеркѣ, на которой изображены мраморной столпъ и увядающiй цвѣтокъ.

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весеннiй тлѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.

Нескромное эхо.

Мнѣ часто эхо измѣняетъ.
Твержу: *Милены не люблю!*
Но Эхо въ рощѣ отвѣчаетъ:
Люблю!

Надпись къ портрету жестокой.

Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя;
А ей любезенъ кто?... не знаю, но — не я!

Къ лѣсочку Полины.

Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собственной рукой:
Кому же посвятила? —
„Богинѣ прелестей.“ — И такъ себѣ самой.

Дарованія.

Враги Парнасскихъ вдохновеній,
Ума и всѣхъ его твореній!
Молчите, — скройтеся во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эѳирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Отъ злобы адской трепещите:
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кляните!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

А вы, которымъ Фебъ прелестный
Льетъ въ душу огнь и свѣтъ небесный!
Приближтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаетъ.
Одна печать на насъ сіяетъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнетъ пѣснь моя. — —

Явися, древность, предо мною!
Дерзаю смѣлою рукою
Раскрыть священный твой покровъ...
Что зрю? людей, во тьмѣ живущихъ,
Какъ злакъ безчувственно растущихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и дикъ;
Отрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.

Сей міръ, обильный чудесами,
Какъ садъ усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуетъ,
Напрасно Бога образуетъ:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармоніи не внемлетъ;
Безмолвны хладныя уста.

Они другъ друга убѣгаютъ
Или другъ друга поражаютъ
За часть... изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желаніе — свирѣпство;
Взаимной страстью никогда

Сердца не таютъ, не пылаютъ;
Потребность, сила все рѣшитъ...
Едва желанья изчезаютъ,
Предметъ объятій позабытъ.

Таковъ былъ родъ людей нещастный...
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный
Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ небесныхъ дарованій...
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ густой:
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Насталъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ мірѣ возсіяли:
Родился снова человѣкъ!

Возсталъ, воззрѣлъ — и вся Природа,
Отъ звѣздъ лазореваго свода
До нѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: „будь міра властелинъ!
„Мои богатства предъ тобою:
„Хвали Творца — будь самъ творецъ!“
И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ (*).

(*) Чувство *изящнаго* въ Природѣ разбудило дикаго человѣка и произвело Искусства, ко-

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракѣ бури и тумановъ
Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедры, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнутся и скрыпятъ;
Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ:

Тамъ Геній умственныхъ твореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
Отъ солнечныхъ лучей пестрѣютъ,
Съ зеленой травкою сплетясь;
Кристальны ручейки свѣтлѣютъ,
Среди луговъ журча, віясь;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Армиды,
Порхаютъ рѣзвыя Сильфиды,

торыя имѣли непосредственное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудрые законы его, на просвѣщеніе и нравственность Орфеи, Амфіоны были первыми учителями дикихъ людей.

И птички хорами поютъ;
Плоды древесъ сіяютъ златомъ,
Зефиры вѣютъ ароматомъ,
Съ прохладой сладость въ душу льютъ:
Тамъ онъ Творца воображаетъ
Въ небесной благости Его,
И гласомъ тихимъ изливаетъ
Восторги сердца своего.

Разсудокъ, чувствомъ пробужденный,
Открылъ порядокъ неизмѣнный
Во всѣхъ подлунныхъ существахъ;
Во всѣхъ явленіяхъ чудесныхъ,
Въ бездушныхъ тваряхъ и словесныхъ,
Въ различныхъ года временахъ;
Въ ничтожномъ червячкѣ, въ былинкѣ
Печать премудрости узрѣлъ;
Въ атомахъ мертвыхъ и въ песчинкѣ
Слѣды величія нашелъ.

Чѣмъ глубже око проницало,
Тѣмъ болѣ сердце обрѣтало
Пріятныхъ чувствъ въ себѣ самомъ:
Любовь *моральная*, живая,
Любовь чистѣйшая, святая,
Мгновенно воспылала въ нёмъ:
Надежда, нѣжный страхъ родились,
И взоръ сказалъ: *твоя навѣкъ* (*)!

(*) Надежда и нѣжный страхъ суть дѣйствія благородной душевной любви, неизвѣстной

Сердца и руки съединились —
Вкусилъ блаженство человѣкъ.

Отцы и дѣти обнялися (*);
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;
Святыя жертвы воскурились
Благотворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ кротостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились вертограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
,,Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаться,
,,Любить добро и зломъ гнушаться.“
Возсѣла *опытность* на тронѣ,
Творить щастливыми народы,
Быть другомъ-Геніемъ земли;
И люди часть златой свободы
Порядку въ жертву принесли (**).

дикимъ. *Языкъ взоровъ* есть также слѣдствіе утонченной нравственности.

(*) Происхожденіе нравственной любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ — жалости, благотворенія, благодарности, дружбы.

(**) Начало общежитія, законовъ, царской власти.

Ихъ прежде время угнетало:
Теперь оно крылатымъ стало —
Летитъ, и сыплетъ имъ цвѣты;
Его --- *желанье* призываетъ,
Его --- *надежда* озлащаетъ
И красятъ розою мечты.
Труды забава усладила;
Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ *пользой* заключила
Навѣки дружескій союзъ.

И такъ хвала любимцамъ Феба!
Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
Они творенія вѣнецъ;
Они міръ темный просвѣтили,
И въ садъ пустыню обратили;
Они питаютъ огнь сердецъ,
Какъ жрицы древле-чтимой Весты
Питали въ храмахъ огнь святой;
Покровы Красоты отверсты
Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власти, безъ короны
Даютъ умомъ своимъ законы;
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играютъ нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышаютъ въ насъ;

Любовь къ Изящному вливая,
Изящность сообщаютъ намъ;
Добро Искусствомъ украшая,
Велятъ его любить сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огонь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.
Такъ кистью нѣжною, живою
Сбираетъ прелести Апеллъ
И пишетъ образъ Никофоры
Въ примѣръ Невинности святой,
Чтобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимотеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хла́дный камень льетъ.
Но кто, Поэзія святая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоетъ?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ;
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье

Есть кисти твоея предметъ;
Какъ въ свѣтломъ, явственномъ кристалѣ
Являешь ты въ своемъ зерцалѣ
Для глазъ другой прекрасной свѣтъ;
И часто прелесть въ подражаньи
Милѣе, чѣмъ въ Природѣ намъ:
Лѣсокъ, цвѣточикъ въ описаньи
Еще пріятнѣе очамъ (*).

Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
Я міръ сей (**) лучшимъ нахожу:
Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселіемъ гляжу,
Что Клейстъ, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуетъ меня!

(*) Всѣ прелести изящныхъ Искусствъ суть ничто иное, какъ подражаніе Натурѣ: но копія бываетъ иногда лучше оригинала — по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ всегда занимательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе сравнивать.

(**) То есть, міръ физической, которой описывали Томсонъ и Ст. Ламберъ въ своихъ поэмахъ.

Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своей:
Приливъ, отливъ желаній страстныхъ,
Ихъ тѣни, пользу, сладкій ядъ;
Рай свѣтлый, небо душъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Кто милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ кроткихъ Музъ
Поетъ твое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,
Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
Въ нещастьи, въ смерти неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

,,Для смертныхъ много бѣдъ ужасныхъ;
,,На каждомъ шагѣ зримъ нещастныхъ;

„Но можно ль Небо порицать?
„Оно --- *любить* не запретило!
„Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
„Тотъ долженъ Бога прославлять,
„Сказавъ: *мы щастливы! мы чада*
„*Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!*
„Любви минута есть награда
„За годъ унынія и слезъ!“

Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, нѣжною душей;
Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе услаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своей.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для другова быть. —

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей
На сценѣ намъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ:
„Утѣшься, другъ души моей!
„Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
„Клянешь ее, не хочешь жить;

„Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
„Еще ты можешь щастливъ быть!“

И мечь, тоскою изощренный,
Къ унылой груди устремленный,
Безъ крови изъ руки падетъ;
Нещастный съ жизнію мирится;
Онъ быть щастливымъ снова льстит-
ся,
И друга съ чувствомъ къ сердцу
жметъ. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада...
О Сафѣ страстной размышлялъ...

Хотѣлъ... но другъ неоцѣненной
Своей любовію священной
Меня въ семъ мірѣ удержалъ. ——
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спартахъ мужество питаешь;
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огнь эѳирный развѣваеть;
Гремишь... пылаетъ славой кровь!

Гремишь: „Къ оружію, Спартане!
„Возстаньте, вѣрные граждане!

„Спѣшите: варваръ Персъ идетъ;
„Идетъ какъ тигръ съ отверстымъ зѣвомъ,
„Идетъ какъ буря съ грознымъ ревомъ,
„Оковы, стыдъ для васъ несетъ.
„Что жизнь противъ златой свободы?
„Мы только славою живемъ.
„На васъ взираютъ всѣ народы:
„Побѣда или смерть!“ ... *Умремъ* —

Умремъ, или побѣда съ нами!
Взываютъ всѣ, звучатъ щитами,
Летятъ на брань, и врагъ сраженъ —
Изчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновенъ,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нещастныхъ горе услаждать,
Души благотворящей радость:
„Блаженъ, кто можетъ помогать!

„Кто только для другихъ сбираетъ,
„И день потеряннымъ считаетъ,
„Въ который для себя лишь жилъ!“
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу обѣщаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца хвалилъ.

Любить святую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благодѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —

Когда жь съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ преступленій,
Змѣю подъ прелестью цвѣтовъ —
Я въ духѣ съ нимъ изнемогаю ...
Ахъ! кто изъ насъ страстей не рабъ?
Смотрю на небо, и взываю:
„Спаси, спаси меня! я слабъ!"

Я слабъ, и слабаго прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасѣ Природа!
Ѳиръ лазореваго свода
Затьмила въ день густая ночь;
Шумятъ лѣса, ярятся воды,
И ... зритель въ сердцѣ охладѣлъ:
Злодѣй на сценѣ, врагъ Природы;
Онъ въ ужасъ естество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
Злодѣй, искавшій адской славы

Бичемъ невинныхъ - слабыхъ быть,
Слезами ихъ себя питая.
Напрасно Благость всесвятая
Его хотѣла просвѣтить,
И казнь безумца отлагала!
Онъ гласъ Ея пренебрегалъ.
„И такъ страдай!" она сказала,
И Фурій адъ къ нему послалъ....

Глаза свирѣпыхъ засверкали;
Злодѣю ужасы предстали:
Въ его власахъ шипятъ змѣи;
При свѣтѣ факеловъ кинжалы (*)
Предъ нимъ блистаютъ какъ зерцалы:
Онъ видитъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжитъ — себя не избѣгаетъ:
Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣй!
Природа гнѣвная вѣщаетъ
Ему: „страдай: ты врагъ людей!"

Преступникъ, въ сердцѣ развращенный,
Такою сценой устрашенный,
Спѣшитъ сокрыться отъ очей;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
И эхо грозно повторяетъ:

(*) Извѣстно, что Фуріи изображаются съ факелами и съ кинжалами.

„Будь добръ — или страдай, злодѣй!“ —

Я взоръ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣтаю:
Орфей безсмертіе поетъ.....

И стонъ нещастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы отираетъ...
„Что жизнь? единый быстрый лучь:
„Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;
„Но съ тѣломъ въ гробѣ не истлѣемъ:
„Взойдетъ свѣтило дня безъ тучь
„Для насъ въ другомъ и лучшемъ мірѣ;
„Тамъ будетъ щастливъ, щастливъ вѣкъ
„И Царь чувствительный въ порфирѣ,
„И нищій-добрый человѣкъ.

„Безсмертье, жизни сей отрада,
„За краткость дней ея награда!
„Твоя небесная печать
„У смертныхъ на челѣ сіяетъ!
„Кто чувствомъ вѣчность постигаетъ,
„Не можетъ съ мигомъ изчезать.
„Чей взоръ Природу обнимая,
„Открыть Творца въ твореньи могъ, —
„Тебя, Премудрость всесвятая!
„Тотъ самъ быть долженъ полубогъ.“

И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключить
Свой важный гимнъ хвалой священной
Причины первыя вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣстить,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уста не называютъ,
Но кто всего, — Кто нашъ Отецъ;

Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шатромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,
Украсилъ ночь луной, звѣздами,
Усѣялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озлатилъ;
Далъ силу львамъ неукротимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неутомимымъ,
И яркій голосъ соловью;

Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ серцахъ людей:
Въ весельи кроткомъ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ матерей,

Въ стыдливомъ взорѣ дѣвъ священ-
ныхъ,
Въ чертахъ невинности младой
И старцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кто любитъ все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ (*) примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служить есть — быть щастли-
вымъ,
Кого гнѣвить — себя терзать,
Любить есть — быть добролюбивымъ
И ближнихъ братьями считать;

Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И тамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно ... Умолкаю,
И съ теплой вѣрою взываю:
„Отецъ! добро дѣла Твои!“ —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣты,
Вовѣки новы для сердецъ!

(*) Насѣкомыя, живущія только по-нѣскольку часовъ.

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
Въ своихъ твореніяхъ нетлѣнныхъ
Вкушайте вѣчности залогъ!
Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣйшихъ
И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
Кто лирой тронуть сердце могъ,
Тотъ въ храмъ безсмертія стезёю
Хвалы сердечныя войдетъ;
Потомство сладкою слезою
Ему дань чести принесетъ.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ вы чтимы,
Душами добрыми любимы.
Вражда невѣжды и глупца
Блескъ вашей славы умножаетъ;
Ядъ черной зависти терзаетъ
Ихъ злыя, хладныя сердца. —
Таланты суть для васъ богатство;
Другимъ оставьте прахъ златой:
Святое Фебово собратство
Сіяетъ чувства красотой.

Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огнь сверкающій надъ блатомъ
Меня красою не прельститъ;
Вы, вы краса, корона свѣта;
Вы солнце въ мірѣ, не планета,
Въ которой чуждый лучь блеститъ.

Невѣжда золотымъ чертогомъ
Своей души не озлатитъ;
А васъ и въ шалашѣ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

Потомство скажетъ: „здѣсь на лирѣ,
„На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
„Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
„Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
„Велъ жизнь любимецъ Музъ почтен-
ной;
„Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
„Здѣсь будемъ утромъ наслаждаться,
„Здѣсь будемъ солнце провожать,
„Читать Поэта, восхищаться,
„И даръ его благословлять."

Хотя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душей;
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходятъ въ Капитолій
Съ вѣнками на главѣ своей,
При гласѣ трубъ, народномъ пле-
скѣ (*) —
Отъ насъ, увы! далекъ сей храмъ!

(*) Какъ на примѣръ, Петрарка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

Поемъ въ тѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но въ самомъ сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Оттѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И естьли грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной томности вздохнетъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцевъ развѣютъ!
Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожалѣютъ:
„Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
„Но мы любезныхъ не забудемъ,
„Читать, хвалить ихъ пѣсни будемъ;
„Ихъ имя сладостно для насъ!“
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить... въ сердцахъ!

Къ Алинѣ на смерть ея супруга.

Супругъ твой слишкомъ щастливъ
былъ:
Не могъ онъ жить въ подлунномъ
свѣтѣ,
Гдѣ тайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горесть осудилъ,
А щастью быть велѣлъ мечтою.
Но кто нечаянной судьбою,
Украдкой будетъ здѣсь блаженъ,
Тому *вѣкъ розы* положенъ:
Какъ щастливъ я! едва лишь скажетъ,
Увянетъ — и въ могилу ляжетъ.
Начто ты Ангельской душой,
Своей любовью, красотой,
Въ супругѣ сердце восхищала,
Его съ Безсмертными равняла?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ какъ друга звалъ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами;
Тогдабъ сѣдыми волосами
Еще онъ... слезы отиралъ.
Гдѣ радость есть *Судьбы ошибка*,
И гдѣ веселая улыбка

Бываетъ рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ твоей прелестной
Нашелъ *блаженства талисманъ*,
Земнымъ страдальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щастливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минуту самыя кончины
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслажденье.
Одно щастливое мгновенье
Не лучшель многихъ скучныхъ лѣтъ?

Къ Лилѣ.

Ты плачешь, Лилета?
Ахъ! плакалъ и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ.
Есть очередь въ свѣтѣ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живетъ.
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красотой.
Я также плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечталъ о блаженствѣ,
Страдая въ душѣ!...
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечтаній;
Я Лилу забылъ —

И вижу...о Небо!
Что сдѣлалось съ ней?
Всѣ алыя розы
Морозъ умертвилъ.
Гдѣ прежде Зефиры
Шептали любовь,
Подъ сѣнію миртовъ
Таился Эротъ
И пальчикомъ нѣжнымъ
Съ усмѣшкой грозилъ:
Тамъ нынѣ все пусто!
Твоя красота
Угасла какъ свѣчка;
Вспорхнула любовь
И прочь улетѣла;
Любовники въ слѣдъ
За нею исчезли.
Лилета одна,
И хочетъ отъ скуки
Меня заманить
Въ старинныя сѣти!
Я въ сказкѣ читалъ,
Что нѣкогда боги!
Влюбились въ одну
Прекрасную Нимфу:
Юпитеръ и Марсъ,
Нептунъ и Меркурій,
И Бахусъ и Фебъ.
Красоткѣ хотѣлось

Ихъ всѣхъ обмануть,
Украсить рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, такъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогаты.
Но время прошло;
Красавица стала
Не такъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа отъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ отъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогатымъ Сатиромъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ
Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сатиръ!

Выборъ жениха.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красотою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другова жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появиться,
Всѣхъ плѣнить, *однимъ* плѣниться?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
„Ты прельщать насъ рождена!"

„Будь супругою моей!"
(Говоритъ богатый ей)
„Всякой день тебѣ готовы
„Драгоцѣнныя обновы;
„Станешь въ золотѣ ходить;
„Ожерельями, серьгами,
„Разноцвѣтными парчами
„Буду милую дарить."

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да* иль *нѣтъ?*
Лиза только улыбнулась;
Прочь пошла, не оглянулась. —
Гордой баринъ ей сказалъ:
„Будь супругою моею;
„Будешь знатной Госпожею:
„Знай, я *полный* Генералъ!"

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да* иль *нѣтъ?*
Генералу поклонилась,
Только чиномъ не плѣнилась;
Лиза... далѣе идетъ;
Ищетъ, долго не находитъ....
„Такъ она и вѣкъ проходитъ!" ..
Ошибаетесь — найдетъ!

Лизѣ *Суженый* сказалъ:
„Чиномъ я не Генералъ,
„И богатства не имѣю;
„Но любить тебя умѣю.
„Лиза! будь навѣкъ моя!" —
Тутъ прекрасная вздохнула,
На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*

Разлука.

(*На голосъ:* J'entends dans la forêt.)

Любя любимымъ быть,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жить,
Всего, всего тошнѣе.
Что въ сердцѣ безъ *нее*!
Въ *ней* сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.

Гдѣ щастье? гдѣ *она?*
И день и ночь вздыхаю;
Отрада мнѣ одна,
Что слезы проливаю.
Довольно ... такъ и быть!
Когда, мой другъ, съ тобою
Не льзя теперь мнѣ жить,
Хочу я жить съ тоскою.

Клятва и преступленіе.

Хотѣлъ я не любить: чтожъ дѣлаю? люблю!
Любя терзаюся, крушу себя, гублю!..
Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слезами я не смою
Того, что злой Судьбѣ желѣзною рукою
Угодно было начертать:
„Кокеткамъ торговать сердцами,
„Мужьямъ ходить съ рогами,
„А *Плаксѣ* (то есть, мнѣ) бранить любовь словами,
„Но сердцемъ обожать — ввѣкъ, ввѣкъ!" —
Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

Хоръ и куплеты, пѣтые въ Мареинской (*) рощѣ друзьями почтеннаго Хозяина, въ день имянинъ Его.

Хоръ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки.*)

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

1.

(На голосъ: *заря утренняя взошла.*)

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ отличенъ
За достоинство прямое,
Въ томъ не щастіе слѣпое,
Но заслугу люди чтутъ.

(*) Село Мареино, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

Хорѣ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
— и проч.

2.

Кто не только на войнѣ,
Но и въ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патріотъ.

Хорѣ.

Какъ тотъ щастливъ, *— и проч.*

3.

Кто предъ трономъ въ духѣ твёрдъ,
Передъ нижшими не гордъ,
Съ ровнымъ искренно дружится
И коварныхъ не страшится,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

Хорѣ.

Какъ тотъ щастливъ *— и проч.*

4.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жить умѣлъ:
Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣтей отцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

Хорѣ.

Какъ тотъ щастливъ *— и проч.*

5.

Кто покой Москвы блюдя,
Часъ свободы находя,
Любитъ въ рощахъ прохлаждаться
И съ друзьями забавляться,
Тотъ имѣетъ нѣжной вкусъ.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
И веселье не бѣда.
Пѣсни намъ для щастья нужны;
Музы съ Мудростію дружны —
Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
Милъ домашнимъ и друзьямъ;
Здѣсь и гости не чужіе;
Здѣсь и гости какъ родные
Веселятся всѣ съ тобой.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

Куплеты (*на тотъ же голосъ*) въ честь нѣжной Матери, пѣтые Ея милымъ семействомъ, въ уединенномъ и пріятномъ мѣстѣ, которое называется Ея именемъ: Дарьинымъ.

Какъ пріятны тѣ мѣста,
Гдѣ Натуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое Твое!

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя Матери святѣе;
Имя *Дарьино* милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянъ.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Здѣсв любезнѣйшую Мать
Будутъ дѣти угощать
Въ часъ вечернія прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводить.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Надписи (*) на статую Купидона.

1.

На голову.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало,
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

2.

На глазную повязку.

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

3.

На сердце

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

(*) Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ.

4.

На палецъ, которымъ Купидонъ грозитъ.

Награда скромности готова:
Будь щасшливЪ — но ни слова!

5.

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

АмурЪ лешаешЪ для шого,
ЧшобЪ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья осшавляешЪ —
Уже ему вЪ нихЪ нужды нѣшЪ —
Лешашь позабываешЪ
И сЪ милою живешЪ.

7.

На стрѣлу, которую Амуръ беретъ въ руку.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: *люблю!*

8.

На ногу.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

На спину.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

Два сравненія.

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.
Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.
А что любовь? ея завязка;
Конецъ печальной иль смѣшной.
Родись, люби — и Богъ съ тобой!

Дурной вкусъ.

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ напрасно;
Скажу я безпристрастно,
Что вкусъ и грубъ и дуренъ у тебя:
Ты любишь самого себя!

Вопросы и отвѣты.

Что есть любить?
Тужить —
А равнодушнымъ быть?
Не жить.

Характеръ Нисы.

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей постыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей постыло.

Покой и слава.

„Спокойствіе дороже славы!“
Твердятъ лѣнивые умы.
Нѣтъ, нѣтъ! они не правы;
Покоемъ не довольны мы:
Въ объятіяхъ его скучаемъ,
И прежде смерти умираемъ.
Жизнь наша столь бѣдна,
Превратна, не вѣрна;
Дней ясныхъ въ ней такъ мало,
Такъ все мгновенно для сердецъ,
Что удовольствія и щастія начало
Есть удовольствія и щастія конецъ.
Чѣмъ бережно въ тѣни скрываться,
Бояться шороха, бояться вслухъ дышать,
Единственно за тѣмъ, чтобъ жизнію скучать
И смерти праздно дожидаться:
Не лучше ль что нибудь
Великое свершить? Гремящей славы путь
Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,

И наслаждается вѣками
Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.
Парить съ орломъ подъ небесами,
Сіять эѳирными лучами,
Сгорѣть тамъ солнечнымъ огнемъ,
Оставить пепелъ намъ, милѣе для Героя,
Чѣмъ духомъ онѣмѣть въ ничтожествѣ покоя,
И съ червемъ прахъ лобзать, доколѣ Исполинъ,
Рокъ, грозный смертныхъ властелинъ,
Его не раздавилъ Гигантскою стопою.—
Всѣмъ должно быть землёю:
Ты, слабый человѣкъ!
Какъ тѣнь, мелькая, исчезаешь;
Но надпись о другомъ и въ самый дальній вѣкъ
Гласитъ: *прохожій стой! Героя попираешь* (*).

(*) Переводъ славнаго Латинскаго надгробія: Sta, viator! Heroem calcas.

Исправленіе.

Пора, друзья, за умъ намъ взяться,
Безпутство кинуть, жить путёмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ.

Безпечной юности утѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшной грѣхъ.
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу, недругу закажемъ
Кого нибудь въ соблазнъ вводить;
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитрости, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!

Отнынѣ будетъ все иное:
Чтобъ строгимъ людямъ угодить,

Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —

Не съ тѣмъ, чтобъ нравы ихъ исправить —
Такихъ чудесъ не льзя желать —
Но чтобъ красавицъ лишь заставить
Отъ скуки и тоски зѣвать.

„Зѣвать?“ — Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.
Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чтобъ снова не надѣлать зла.

Искусство нравиться забудемъ,
И съ *постнымъ* видомъ въ *мясоѣдъ*,
Среди собраній свѣтскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣтъ;

Бранить все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалить, что грѣшникамъ постыло,
Но что къ спасенію ведетъ.

Memento mori (*)! вселгласно
На балахъ станемъ восклицать,
И стономъ смерти ежечасно
Любезныхъ вѣтрениць пугать. —

(*) То есть: *помни смерть.*

КакЪ другЪ вашЪ столь перемѣнился,
Угодно ль вамЪ, друзья, спросить?...
Сказать ли правду?....Я лишился
(Увы!) способности грѣшить!

Непостоянство.

Пусть щастье коловратно —
Не льзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

Все новаго желаемъ,
Отъ стараго бѣжимъ,
И щастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любить
И щастью перемѣну,
Чтобъ намъ, невѣрнымъ, мстить!

Эпиграмма.

Я знаю, для чего Крадонъ твердитъ всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

Истина.

Кто скажетъ не солгавъ, что съ роду онъ не лгалъ,
Тотъ развѣ никогда влюбленнымъ не бывалъ!

Мыслятъ и немыслятъ.

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ;
Не мысля умереть, умрутъ.

Надгробіе Шарлатана.

Я пыль въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью сталъ.

Перемѣна цвѣта.

Вдругъ сталъ у Лины дуренъ цвѣтъ:
Конечно въ городѣ румянъ хорошихъ нѣтъ!

Желанiе.

Какъ странникъ, зноемъ утомленный,
Въ тѣни желаетъ отдохнуть:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

Тацитъ.

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ знаменитомъ,
Кромѣ убiйцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жалѣть объ немъ не должно:
Онъ стоилъ лютыхъ бѣдъ несчастья своего,
Терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно!

Къ Шекспирову подражателю.

Ты хочешь быть, Глупонъ, Шекспировъ подражатель;
Выводишь для того на сцену мясниковъ,
Башмашниковъ, портныхъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ? ахъ, нѣтъ! не въ томъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ, склоняли (*).
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты:
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красоты?

(*) См. Кв. Курц.

Куплеты изъ одной сельской Комедіи, игранной благородными Любителями Театра.

Хоръ земледѣльцевъ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы.
Славимъ барина-отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Что жь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

Сельской любовникъ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ нельстивымъ языкомъ,
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хотятъ
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говорятъ.

Дѣвушка.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявить,
Слово вылетитъ невольно:
Скажешь — поздно воротить!
Притворяться вѣкъ не можно;
Всѣ мы созданы любить:
Лишь держаться слова должно;
Стыдно, стыдно измѣнить.

Сельская любовница.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею щастіе нашла;
И надѣюсь безъ искусства
Сердце друга сохранить;
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
Мнѣ помогутъ милой быть.

Городской житель.

Естьли въ городѣ имѣютъ
Больше средствъ плѣнять мущинъ,
Лучше здѣсь любить умѣютъ.
Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
Время нравиться пройдетъ,
И кокетка съ сѣдинами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

Горожанка.

Тотъ живетъ благополучно,
Кто умѣетъ жить въ другомъ.
О себѣ лишь думать — скучно;
Щастье въ двухъ, а не въ одномъ.
Кто же бабочкой летаетъ
Съ василька на василекъ,
Тотъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, тотъ любитъ вѣкъ.

Горажанинъ.

Естьлибъ было въ нашей власти
Вѣчно бабочкой летать,
Не дивился бы я страсти
Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюблять
Время крылья подсѣкаетъ,
И придется сиднемъ быть.
Поздно вѣтреной узнаетъ,
Каково на вѣтеръ жить!

Госпожа.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
Съ тихимъ седцемъ вѣкъ прожить,
Святость брачнаго обѣта
И невинность сохранить.
Добродѣтель утѣшаетъ,
Страсть къ раскаянью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
Щастье лишь супругъ даетъ.

Горожанка.

Ахъ! во мракѣ заблужденья
Щастье ложная мечта.
Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть нечиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
Какъ ни дурны въ свѣтѣ нравы,
Всякой добродѣтель чтитъ.

Староста.

Женихамъ, невѣстамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Вѣкъ прельщаться не возможно:
Что же можно намъ? любить.
Съ другомъ жить, не съ красотою;
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душою,
Въ томъ морщина не бѣда.

Бурмистръ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля портитъ лишь жену.
Дома имъ не посидится;
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится;
Приберите ихъ къ рукамъ.

Вахмистрѣ.

НашЪ бурмистрЪ несетЪ пустое;
Не указЪ намЪ старина.
Воля дѣло золотое,
А законЪ любовь одна.
Руской созданЪ прославляться,
Государю вѣрнымЪ быть,
Пули, смерти не бояться,
И красавицамЪ служить.

Горожанка.

МожетЪ быть не безЪ причины,
Естьли правду говорить,
Вы браните насЪ, мущины;
Но одни хотите ль жить?
ВамЪ даны Природой силы,
НамЪ искусство васЪ ловить;
Мы другЪ другу право милы —
БудемЪ спорить и любить!

Протей, или несогласія Стихотворца.

(NB. *Говорятъ, что Поэты не рѣдко сами себѣ противорѣчатъ и перемѣняютъ свои мысли о вещахъ. Сочинитель отвѣчаетъ:*)

Ты хочешь, чтобъ Поэтъ всегда одно лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный человѣкъ!
Скажи, кто образы Протеевы изчислилъ?
Таковъ питомецъ Музъ, и былъ и будетъ вѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно ль измѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало ясна,
И вся Природа въ ней съ оттѣнками видна.
Не льзя ей для тебя *единою* казаться
Въ *разнообразіи* естественныхъ чудесъ.

Взгляни на свѣтлый прудъ, едва, едва струимый
Дыханьемъ вѣтерка: въ сію минуту зримы
Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горѣ одинъ парящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою стоящій;
На вѣтьви голубокъ съ подружкою своей
(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спрятавъ къ ней) —
Еще минута... вдругъ совсѣмъ иная сцена:
Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;
Тамъ стелется одинъ волнистый, сизый мракъ.
Въ душѣ любимца Музъ такая жь перемѣна
Бываетъ каждый часъ; что видитъ, то поетъ,
И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть перестаетъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ
Гуляя, видитъ онъ Природы красоты,

Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,
Тогда въ душѣ его раждаются мечты
О *вѣкѣ золотомъ*, въ которомъ люди жили
Какъ братья и друзья, пасли свои стада,
Питались ихъ млекомъ; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, *по чувству* добры были,
А болѣе всего... рѣзвились и любили!
Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлію своей
Изъ шума городовъ зоветъ въ поля людей.
,,Оставьте, говоритъ, жилище скуки томной,
,,Гдѣ все веселіе въ притворствѣ состоитъ;
,,Гдѣ вы находите единый ложный видъ
,,Утѣхи и забавъ. Въ сѣни Природы скромной
,,Душевный сладкій миръ съ веселостью живетъ;
,,Тамъ щастье на лугу съ фіалками цвѣтетъ,,.

„И смотрится въ ручей съ пастушкою прекрасной.
„О щастьи въ городахъ лишь только говорятъ,
„Не чувствуя его; въ селѣ объ немъ молчатъ,
„Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ день весенній ясной,
„Въ невинности златой, въ сердечной простотѣ."
Когда жь глазамъ его явится блескъ Искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:
Великолѣпный градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро соглашенныхъ;
И къ благу общества закономъ обращенныхъ:
Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ;
Машина хитрая, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произведенье,

Но, не смотря на то, загадка для него!
Тогда Пѣвецъ села въ восторгѣ удивленья,
Забывъ свирѣль, беретъ для гимна своего
Златую лиру, пѣть успѣхи просвѣщенья:
„Что былъ ты, человѣкъ, съ Природою одинъ?
„Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
„Лишь въ обществѣ ты сталъ Природы властелинъ,
„И въ первый разъ взглянулъ на небо горделиво,
„Взглянулъ и прочиталъ тамъ славный жребій свой:
„Быть въ мірѣ семъ царемъ, творенія главой.
„Лишь въ обществѣ душа твоя *себѣ сказалась*,
„И сердце начало съ сердцами говорить;
„Одна во слѣдъ другой идея развивалась,
„И скоро обняла вселенную ихъ нить.
„Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,

„И мнимый вѣкъ златой, вѣкъ лѣни, дѣтства, сна,
„Безславенъ для тебя, хотя въ стихахъ и славенъ.
„Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна:
„Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились;
„Лишь тамъ художества съ науками родились —
„И первый въ мірѣ градъ былъ первымъ торжествомъ
„Даровъ, вліянныхъ въ насъ премудрымъ Божествомъ.
„Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая Добродѣтель
„Себѣ воздвигла храмъ: Сократъ въ Аѳинахъ жилъ,
„И въ Римѣ Нума Царь, своихъ страстей владѣтель,
„Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.
„Не тотъ *Герой добра*, кто скрылся отъ порока,
„Отъ искушенія, измѣнъ, ударовъ Рока,
„И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвою душей;

„Но тотъ, кто былъ всегда примѣромъ для людей,
„Среди безчисленныхъ опасныхъ преткновеній
„Какъ мраморный колоссъ незыблемо стоялъ,
„Стезею правды шелъ во мракѣ заблужденій,
„Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь побѣждалъ.
„Такъ кормчій посреди морей необозримыхъ
„Безъ страха видитъ гробъ *волнистый* предъ собой
„И слышитъ грозный ревъ пучинъ неизмѣримыхъ;
„Тамъ гибельная мѣль, здѣсь камни подъ водой:
„Но съ картою въ рукахъ, съ магнитомъ предъ очами,
„Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ волнами,
„И къ пристани спѣшитъ, гдѣ ждетъ его покой.“ —

Въ сей хижинѣ живетъ питомецъ Эпиктета,
Который, истребивъ чувствительность въ себѣ,

Надежду и боязнь, престалъ служить
Судьбѣ
И быть ея рабомъ. Сія царица свѣта
Отнять, ни дать ему не можетъ ни-
чего:
Ничто не веселитъ, не трогаетъ его;
Онъ ко всему готовъ. Представь ко-
нецъ вселенной:
Небесный сводъ трещитъ; огромные
шары
Летятъ съ своихъ осей; въ развали-
нахъ міры...
Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ
не устрашенной
Покойно бы сказалъ: „мнѣ время от-
дохнуть,
„И въ гробѣ Естества сномъ вѣчно-
сти заснуть!"
Поэтъ предъ нимъ свои колѣна пре-
клоняетъ,
И полубога въ немъ на лирѣ просла-
вляетъ.
„Великая душа! что міръ сей предъ
тобой?
„Горсть пыльныя земли. Кто повели-
тель твой?
„Самъ Богъ — или никто. Ты нужды
не имѣешь
„Въ подпорѣ для себя: тверда сама
собой.

„Безъ щастья быть всегда щастливою умѣешь,
„Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
„Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и для него:
„Смѣется иль грозитъ, не видишь ничего.
„Пусть карлы будутъ имъ велики или славны:
„Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пустой;
„Въ величіи своемъ они съ землею равны;
„А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою собой!"
И тою жь кистію, съ тѣмъ самымъ же искусствомъ
Сей нравственный Апеллъ распишетъ *слабость* вамъ,
Для Стоиковъ порокъ, но сродную сердцамъ
Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣжныхъ чувствомъ...
Ахъ! *слабость жить мечтой*, отъ Рока ожидать
Всего, что мыслямъ льститъ, — *надѣяться, бояться*,
Отъ удовольствія и страха трепетать,

Слезами радости и скорби обливаться!..
„Хвалитесь, мудрецы, безстрастіемъ своимъ,
„И будьте камнями на зло самой Природѣ!
„Чувствительность! люблю я быть рабомъ твоимъ;
„Люблю предпочитать зависимость свободѣ,
„Когда зависимость есть дѣйствіе твое,
„Свобода жь дѣйствіе холодности безпечной!
„Кому пойду открыть страданіе мое
„Въ часъ лютыя тоски и горести сердечной?
„Тебѣ ль, Зенонъ? чтобъ ты меня лишь осудилъ,
„Сказавъ, что виненъ я *не властвуя собою?*
„Ахъ! кто нещастія въ сей жизни не вкусилъ,
„Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою
„И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья нѣтъ;
„И рѣдко человѣкъ, который вѣчно твердъ,

„Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пой-
ду съ слезами,
„О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;
„По чувству, опыту извѣстна горесть
вамъ.
„Къ страдавшимъ страждущій довѣ-
ренность имѣетъ:
„Кто падалъ, тотъ другихъ поддер-
живать умѣетъ.
„Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій ѳи-
міамъ...
„Молитва общая до Вышняго доходна;
„Молитва общая дѣтей Отцу угодна..
„Онъ *исполненіе* съ любовью изречетъ;
„Зефиръ съ небесъ для насъ вѣсть
сладкую снесетъ;
„Отчаянія мракъ надеждой озарится,
„И мертвый кипарисъ чудесно рас-
цвѣтетъ;
„Кто былъ нещастливъ, вдругъ отъ
щастья прослезится.„

Богатство, санъ и власть! не ищетъ
васъ Поэтъ;
Но быть хотя на часъ предметомъ
удивленья
Милѣе для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ
простой

Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной
златой.
Съ какою жь ревностью онъ Славу
прославляетъ,
И тѣмъ, что любитъ самъ, сердца
другихъ плѣняетъ!
Съ какою ревностью онъ служитъ
эхомъ ей,
Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
Сынъ Фебовъ былъ всегда хранитель
олтарей,
На коихъ, память душъ великихъ
обожая,
Потомство ѳиміамъ безсмертію ку-
ритъ.
„Все тлѣнно въ мірѣ семъ, жизнь
смертныхъ скоротечна,
„Минутны радости, но слава долго-
вѣчна:
„Живите для нее!" въ восторгѣ онъ
гласитъ:
„Достойна жизни цѣль, достойна
жертвъ награда.
„Мудрецъ! ищи ее, трудясь во тьмѣ
ночей:
„Да искрой истины возженная лам-
пада
„Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ
для людей

„Источникомъ отрадъ! Творецъ благихъ законовъ!
„Трудись умомъ своимъ для щастья милліоновъ!
„Отдай отечеству себя и жизнь, Герой!
„Для васъ покоя нѣтъ; но есть потомство, слава;
„Исторія для васъ подъемлетъ грифель свой.
„Вы жертвой будете всемірнаго устава,
„Низъидете во гробъ, но только *для очей*:
„*Для* благодарныхъ *душъ* дни ваши безконечны;
„Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:
„Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косой своей.
„Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,
„Которыхъ нѣтъ еще теперь и колыбели,
„Васъ будутъ знать, любить, усердно прославлять,
„Какъ Геніевъ земли считать полубогами,
„И кляться вашими святыми именами!“

Такъ свойственно Пѣвцу о славѣ воспѣвать;
Но часто видя, какъ сердца людей коварны,
Какъ души низкія все любятъ унижать,
Какъ души слабыя въ добрѣ неблагодарны,
Онъ въ горести гласитъ: „О слава! ты мечта,
„И лишь вдали твои призраки свѣтозарны;
„Теряется вблизи ихъ блескъ и красота.
„Могу ли отъ того я быть благополученъ,
„Что скажетъ обо мнѣ народная молва?
„Щастливо ль сердце тѣмъ, что въ лаврахъ голова?
„Великій Александръ себѣ былъ въ славѣ скученъ,
„И въ чашѣ Вакховой забвенія искалъ (*).
„Хвалы Ораторовъ Аѳинскихъ онъ желалъ;
„Но острые умы его пересмѣхали:

(*) Извѣстно, что Александръ излишно любилъ вино.

,,Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ называли.
,,Ахъ! люди таковы: въ божественныхъ душахъ
,,Лишь смотрятъ на порокъ, изящнаго не видятъ;
,,Великихъ любятъ всѣ... въ романахъ, на словахъ,
,,Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненавидятъ.
,,Для щастія вѣковъ трудись умомъ своимъ:
,,Въ награду прослывешь мечтателемъ пустымъ;
,,Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ насмѣшекъ злобныхъ.
,,Глупцамъ пріятнѣе хвалить себѣ подобныхъ,
,,Чѣмъ умныхъ величать; глупцовъ же полонъ свѣтъ.
,,*Но справедливость намъ потомство отдаетъ!...*
,,Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
,,Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
,,Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ. —
,,Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто. Судьбѣ

„За сей *кимвальный звонъ* отдастъ изъ доброй воли
„Спокойствіе души, блаженство тихой доли!
„Не знаетъ щастія, не знаетъ тотъ людей,
„Кто ставитъ ихъ хвалу предметомъ жизни всей!" —

Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ собою несогласенъ,
Какъ въ пѣсняхъ о любви? то щастіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То милъ ея законъ, то гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительныхъ сердецъ;
Она жь въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъ бы человѣкъ.
Прощаяся съ ея эѳирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается навѣкъ —
Или стихи его теряютъ цвѣтъ и сладость;
Златое время ихъ есть только наша младость.

Внимай: Эротовъ другъ съ веселіемъ поетъ
Щастливую любовь: „Какъ солнце красить свѣтъ
„И міръ физическій огнемъ одушевляетъ,
„Такъ міръ чувствительный любовію живетъ,
„Такъ нѣжный огнь ея въ немъ душу согрѣваетъ.
„Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;
„Училищемъ ея бываетъ колыбель,
„И въ самой старости, у самыя могилы
„Ея безцѣнныя воспоминанья милы.
„Когда для тайныхъ чувствъ своихъ предметъ найдемъ,
„Тогда лишь прямо жить для щастія начнемъ;
„Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.
„Какъ *первый* человѣкъ нечаянно вкусивъ
„Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жажду утоливъ,
„Увѣрился, что есть *потребность, наслажденье*,

„Узналъ ихъ связь, предметъ (*): такъ *юный* человѣкъ,
„Любящій въ первый разъ, увѣренъ въ томъ душею,
„Что созданъ онъ любить, жить съ милою своею,
„Составить съ ней одно — или томиться вѣкъ.
„Блаженная чета!.. какая кисть опишетъ
„Тотъ радостный восторгъ, когда любовникъ слышетъ
„Слова: *люблю! твоя!* ... одинъ сей райскій мигъ
„Завиднѣе ста лѣтъ, щастливо проведенныхъ
„Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ земныхъ!
„Все мило для сердецъ, любовью упоенныхъ;
„Гдѣ терніе другимъ, тамъ розы имъ цвѣтутъ.
„Въ пустынѣ ль, въ нищетѣ ль любовники живутъ,
„Для нихъ равно; вездѣ, во всемъ судьбой довольны.
„Неволя самая имъ кажется легка,

(*) См. въ Бюффонѣ чувства перваго человѣка.

„Когда и въ ней они любить другъ
друга вольны.
„Ахъ! жертва всякая для нѣжности
сладка.
„Любовь въ терпѣніи находитъ утѣ-
шенье,
„И въ вѣрности своей за вѣрность
награжденье.
„Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе
всѣхъ властей.
„Вздыхаетъ иногда и лучшій изъ Царей:
„Всегда ли можетъ онъ намъ властію
своею
„Блаженство даровать? Въ любви жь
всегда мы ею
„И сами щастливы, и щастіе даемъ,
„Словами, взорами, слезой, улыбкой, —
всѣмъ.
„Минута съ милою есть вѣчность на-
слажденья,
„И вѣкъ покажется минутой восхи-
щенья!"

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ
голосъ свой,
Изъ тихо-нѣжныхъ струнъ дрожащею
рукой
Иные звуки онъ для сердца извле-
каетъ....

Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ
внимаетъ:
„Я вижу юношу примѣрной красоты;
„Любовь, сама любовь его образовала;
„Она ему сей взоръ небесный даровала,
„Сіи прелестныя любезности черты.
„*Для щастья создинъ онъ*, конечно бъ
вы сказали;
„Но томенъ видъ его, и черный крепъ
печали
„Темнитъ огонь въ глазахъ. Онъ мед-
ленно идетъ
„Искать, не алыхъ розъ среди луговъ
весеннихъ —
„И лѣто протекло; цвѣтовъ нигдѣ
ужь нѣтъ —
„Но горестныхъ картинъ и ужасовъ
осеннихъ
„Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валится жел-
тый листъ
„На желтую траву, гдѣ слышенъ вѣ-
тровъ свистъ
„Между сухихъ деревъ; гдѣ лѣтомъ
птички пѣли,
„Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охла-
дѣли.
„Тамъ юноша стоитъ надъ шумною
рѣкой;
„И зря печальный гробъ Натуры предъ
собой,

,,Такъ мыслитъ: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*
,,*Цвѣло для глазъ; теперь уныло, помертвѣло!..*
,,*И я душею цвѣлъ, и я для щастья жилъ:*
,,*Теперь навѣкъ увялъ, и съ щастіемъ простился!*
,,*На чтожь мнѣ жизнь?* сказалъ.... въ волнахъ рѣки сокрылся....

,,О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;
,,Но милый другъ ему коварно измѣнилъ!...
,,Хотите ли змѣю подъ алой розой видѣть;
,,Хотите ль жизнь и свѣтъ душей возненавидѣть,
,,И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага:
,,Любите!... скоро прахъ вашъ будетъ подъ землёю:
,Ахъ! жизнь чувствительныхъ не можетъ быть долга!
,Любовь для нихъ есть ядъ: восторгомъ и тоскою
Она мертвитъ сердца; восторгъ есть мигъ — пройдетъ,

„Но душу отъ другихъ благъ въ мірѣ отвращаетъ:
„Все будетъ скучно ей — тоска же въ ней живетъ
„Какъ лютая змѣя; всегда, всегда терзаетъ.
„Измѣна, вѣтреность, коварство, злой обманъ...
„Кому изчислить всѣ причины огорченій,
„Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ,
„При каплѣ, можетъ быть, сердечныхъ наслажденій.

„Когда увидите страданія черты
„И блѣдность томную цвѣтущей красоты,
„Ахъ! знайте, что любовь тамъ душу изнуряетъ.
„Кто жь щастливымъ себя любовью почитаетъ,
„Тотъ пѣніемъ Сиренъ на время усыплёнъ,
„Но тѣмъ нещастнѣе проснувшись будетъ онъ!" — —

Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно ставить

Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выражать
Оттѣнки разныхъ чувствъ, не мысли соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить, но трогать и забавить.
Пусть ищетъ Философъ тѣхъ кладезей подземныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гаданій темныхъ,
И гдѣ хранится ключь Природы для ума!
Здѣсь (*) сердце говоритъ, но истина нѣма;
Поэты дѣлаютъ языкъ его намъ внятнымъ —
И сердцу одному онъ долженъ быть пріятнымъ.
Оно полюбитъ вещь, не взлюбитъ черезъ часъ:
И Музы въ семъ ему охотно подражаютъ;
То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осуждаютъ.
Предметы разный видъ имѣютъ здѣсь для насъ:
Съ которой стороны они явятся взору,

(*) То есть, въ здѣшнемъ свѣтѣ.

И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтреный Зефиръ рѣзвясь цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ — тамъ зрѣніе плѣнятъ
И роза и ясминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему.
Такъ точно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно тому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихамъ вѣнецъ.
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ

Его Императорскому Величеству, АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе Его на престолъ.

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать Тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой расцвѣтаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ златой,
Дни щастія, веселья, славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властiю любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшiй изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностiю славны,
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Береги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство;
Россiя есть Твое семейство:
Среди насъ Ты среди сыновъ.

Воспитанникъ ЕКАТЕРИНЫ!
Тебя Господь Россiи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ восприялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,

Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, МОНАРХЪ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
ЕКАТЕРИНИНЫХЪ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ;
Потомство, вѣки не престанутъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражаться, было имъ — карать.

Давно ль еще, о незабвеный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзостныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.

МОНАРХЪ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!

Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечь, — вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель,
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

МОНАРХЪ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая,

И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужитъ образцомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ;
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣе нѣтъ.
Они всегда хвалить готовы,
Всегда хвалы ихъ тонки, новы;
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Отечество одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!

У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
ПЕТРУ отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними,
И звалъ ихъ братьями своими. —
МОНАРХЪ! Ты будешь насъ любить!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой щастливъ человѣкъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се Музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ;
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!

На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества АЛЕКСАНДРА I, Самодержца Всероссійскаго.

Il en eſt des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenſes, mais nous avons des hymnes. — *Thomas.*

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!
Блистай, веселіе сердецъ!
Любовью отданъ сей вѣнецъ
Гремите, радостные лики:
„МОНАРХЪ и подданный Его
„Въ душѣ желаютъ одного!“

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!

Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворитъ.
Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жь премудрости законы —
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.

МОНАРХЪ Россіи, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добрѣ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на велелѣпный Тронъ,
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать;
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть;
Въ Тебѣ одна ко благу страсть.

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна;

Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.

Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни холмовъ, ни лѣсовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.

МОНАРХЪ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ;
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.

Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можемъ жить
По волѣ рока, Провидѣнья, —
Невинныхъ радостей искать
И щастье въ мірѣ избирать!

Покой стихія человѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе Цари, полвѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.
Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны всѣ — но Ты одинъ
Предъ образомъ ПЕТРОВЫМЪ мыслишь:
„МОНАРХЪ, не совершивъ всего,
„Еще не сдѣлалъ ничего!“ (*)

О радость! о восторгъ!... читаю
Я таинство души твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
„Россія, міра половина,
Отъ вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сіяетъ... щастіемъ людей!

(*) Слова ПЕТРА Великаго.

Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ (*) нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты;
Цвѣтутъ съ улыбкою долины,
Блистаютъ класами поля —
Эдемомъ кажется земля!

Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ видѣнъ вкусъ.
Вездѣ Аѳины — вертограды
Для Феба и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, опершись на щитъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ." ...

У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!...
Отвѣту Кліи (**) я внимаю:
„У васъ на Тронѣ — человѣкъ!

(*) Богъ торговли.
(**) Муза Исторіи.

„Премудрый АЛЕКСАНДРЪ, рожденный
„Въ вѣнцѣ Отечеству служить,
„Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жить!
„Во дни Его благословенны
„Умомъ Россія возрасла,
„Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.

„Онъ зналъ, что Царское правленье
„Есть царство свѣта, а не тьмы;
„Имѣлъ о нравахъ попеченье,
„Сіялъ какъ солнце на умы;
„Радѣлъ о благѣ воспитанья:
„Въ началѣ зло искоренялъ;
„Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
„Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
„Онъ зналъ обязанность Царей,
„Быть Провидѣніемъ людей!

„Страна, окованная хладомъ,
„Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
„Является прекраснымъ садомъ
„Отъ взора теплыя весны:
„Такъ все, и самая Природа
„Въ той щастливой странѣ цвѣтетъ,
„Въ которой на престолъ взойдетъ
„Избранный Мужъ, Отецъ народа...
„Воззри: сей велелѣпный храмъ
„Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣ-
камъ —

„Се храмъ безсмертія и славы!
„Тамъ вмѣстѣ съ Истиной святой
„Потомству я пишу уставы!
„Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
„Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
„Хвалю, кляну — и гласъ вѣковъ
„Есть звукъ моихъ священныхъ словъ.
„Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
„Никто его не избѣжалъ;
„Онъ часто совѣсть воскрешалъ.

„Тамъ — тамъ сіяютъ Антонины;
„Тамъ долженъ АЛЕКСАНДРЪ сіять
„Между ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ,
„И имя *Мудраго* пріять
„Въ залогъ безсмертія и славы!“...
Да будетъ!... О МОНАРХЪ сердецъ!
Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
(Колоссъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и щастія вѣнцомъ!

И будетъ! — Медленно Природа
Готовитъ злато и сребро
Во глубинѣ земнаго свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты отечества Отецъ,

Для подданныхъ вторый Творецъ,
Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
Трудись!... давай уставы намъ,
И будешь *Первый* по дѣламъ!

МОНАРХЪ! въ послѣдній разъ предъ
Трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные Пѣвцы
Отъ Музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи (*) иду,
И тамъ... дѣла Твои найду.

(*) Авторъ занимается Россійскою Исторіею.

Меланхолія.

Подражаніе Делилю.

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ,
судьбою угнѣтенныхъ,
Нещастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
О Меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
Искусственныхъ забавъ и вѣтреныхъ утѣхъ.
Сравнится ль что нибудь съ твоею красотою,
Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?
Ты первый скорби врачь, ты первый сердца другъ:
Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
Когда, освободясь отъ ига тяжкихъ мукъ,
Нещастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,
Съ любовію ему ты руку подаешь,

И лучше радости, для горестныхЪ немилой,
Ласкаешься кЪ нему, и вЪ грудь отраду льешь
СЪ печальной кротостью и сЪ видомЪ умиленья
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливЪ
ОтЪ скорби и тоски кЪ утѣхамЪ наслажденья!
Веселья нѣтЪ еще, и нѣтЪ уже мученья;
Отчаянье прошло.... Но слезы осушивЪ,
Ты радостно на свѣтЪ взглянуть еще не смѣешь,
И матери своей, Печали, видЪ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отЪ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхЪ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
ШумЪ листьевЪ, горныхЪ водЪ, шумЪ вѣтровЪ и морей.
Тебѣ пріятенЪ лѣсЪ, тебѣ пустыни милы;
ВЪ *уединеніи* ты *болѣе сЪ собой.*
Природа мрачная твой нѣжный взорЪ плѣняетЪ:
Она какЪ будто бы печалится сЪ тобой.

Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣлость
Для грусти твоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда изнемогая -
И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
Она кончины ждетъ. Пусть веселится свѣтъ
И щастье грубое въ разсѣяніи новомъ
Старается найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щастлива мечтой, одною мыслью — словомъ!
Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаетъ домъ;
Блистаютъ красотой, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество . . . но ты не видишь, не внимаешь,
И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе твое — задумавшись молчать,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

Гимнъ Глупцамъ.

Блаженъ — не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ стократно,
Блаженъ въ безумiи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастiе превратно:
Къ нему всегда стоитъ лицемъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его течетъ.
Онъ ѣстъ прiятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажется все гладко,
Такъ мiръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прослывъ Философомъ всемiрнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще отъ цѣли удалёнъ;

Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что все загадка для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ;
Что онъ — не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъятной:
„Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!"
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣе нашихъ Астрономовъ.
Хотите ль? онъ разскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ,
И радъ божиться вамъ, что *такъ*!

Боясь ступить неосторожно,
И зная, какъ упасть возможно,
Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ:
Глядитъ спесиво вверьхъ глупецъ —
Споткнется ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! встанетъ безъ стыда;

И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риѳмами корпитъ:
Глупецъ смѣется: „вотъ забавы!"
И самъ — за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или Царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность страданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!.. онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ неложно;
Не вѣдаетъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душею нѣжный человѣкъ
Клянется ихъ забыть навѣкъ,
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнитъ: „меня ли не любить?"

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ; ей имя *скука:*
Она летаетъ по землѣ,
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но щастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремушку въ руки — онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты,
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
И быть умнѣе не желаютъ.

Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ жилъ*.
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея,
И вѣкъ златой не проходилъ.

Филины и соловей, или просвѣщенiе.

Баскя.

Узнали филины намѣренiе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сiять.
„Что! что!“ кричатъ они: „разрушишь царство нощи,
„Въ которомъ намъ такъ мило жить,
„И сонныхъ птицъ давить
„Во мракѣ тихой рощи!
„Кто Фебу далъ такой совѣтъ?“...
„Не вы, друзья мои: *не филины, не воры*,“
Сказалъ имъ соловей: „не нравится вамъ свѣтъ:
„Его боятся хищныхъ взоры!
„Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
„Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
„Ихъ также наградятъ хвалой...

,,Лишиться славы больно,
,,Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
,,И солнцемъ веселюсь,
,,Когда въ его сіяньи
,,Для міра болѣе утѣхъ,
,,Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
,,Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
,,Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье
,,Къ нещастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
,,Что въ самой ясной день
,,Для васъ еще найдется тѣнь!"

Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлоею: мигъ, картина и дверь.

I.

Мигъ.

Какое слово мнѣ дано!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердецъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но естьли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью страстной!
Лишь только шутку продолжай:

Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;
Учтивость, можетъ быть, забуду,
И въ *мигъ*... откроется обманъ!
Тогда, какъ хладный истуканъ,
Душею въ *мигъ* оледенѣю;
Отъ страсти пылкой исцѣлюсь,
И въ *мигъ* — съ тобою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
Насъ въ *мигъ* плѣняете всегда,
Не думая плѣняться нами!
Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
Въ сѣтяхъ бываете и сами;
Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станетъ милъ;
Но *мигъ* — и слѣдъ любви простылъ!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужасна! —
Дерзнетъ нескромность утверждать,
Что ты *была, была* прекрасна;
Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

2.

Картина.

Картина мнѣ мила въ Природѣ,
Когда я съ сердцемъ на свободѣ

Гуляю по коврамъ луговъ,
Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
Лучами солнца озлащенныхъ;
Или на лабиринтъ ручьёвъ,
Самой Натурой проведенныхъ
Въ изгибахъ для красы полей.
Картина мнѣ мила въ Поэтѣ,
Когда онъ кистію своей
Цвѣты наводитъ на предметѣ
И пишетъ словомъ, какъ рукой.
Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
Когда волшебною игрой
Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
И лица говорить хотятъ;
Я, правда, не знатокъ, но радъ
Всегда Корреджію дивиться,
И даже — въ полотно влюбиться.
Но я бываю врагъ картинъ,
Когда прелестницы желаютъ
Быть только ими для мущинъ,
И все другое забываютъ.
Цвѣты и краски хороши;
Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

3.

Дверь.

Въ златой прекрасной вѣкъ
Не вѣдалъ человѣкъ
Ни *двери*, ни замковъ желѣзныхъ,
И домъ и сердце открывалъ
Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
Но время премѣнилось,
И гибельное зло,
Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
Замокъ съ собою принесло,
И сердце съ домомъ затворилось.
Сталъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;
Сидитъ за *дверью*, и не всѣмъ
Ее охотно отпираетъ;
По стуку человѣка знаетъ;
Какъ рыба притаясь молчитъ,
Когда рукою въ *дверь* стучитъ
Досадный кредиторъ, проситель
Съ бумагою, безъ серебра;
Или старинный покровитель,
Въ немилость впавшій у Двора;
Или любовница съ слезами,
Уже оставленная нами!
Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
Для нихъ не отопрется *дверь*.

Но *двери* настѣжь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тайныхъ,
Для челобитчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для миловидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ только для своихъ друзей!

Къ Эмиліи.

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для свѣта и для Музъ, талантъ мой пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и тобою:
Другое кажется мнѣ скучной суетою.
Сказавъ тебѣ: *люблю*! уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцѣ молчаливы.

Когда я щастіе себѣ *воображалъ*;
Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
И тѣни прибирать любилъ однѣ къ другимъ,
Въ *отсутствіи* себя портретомъ утѣшая;
Тогда я щастливъ былъ, о щастіи мечтая:
Мечта пріятна намъ, когда она жива.
Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числомъ мгновеній,
Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства,
И сердцу угодить не станетъ вѣкъ искусства

Но естьлибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излить всю силу, нѣжность жара,
Которымъ твой супругъ щастливый упоенъ,
И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
Все щастіе свое какъ въ зеркалѣ явить:
Не думай, чтобы тѣмъ я могъ другихъ плѣнить.
Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ, что онъ не внятенъ
Въ мятежныхъ суетахъ и въ хаосѣ страстей.
Кто истинно блаженъ, тотъ свѣту не пріятенъ,
Служа сатирою почти на всѣхъ людей.
Столь рѣдко щастіе! и столь несправедливы
Понятія объ немъ! Иначе кто въ сребрѣ,
Въ приманкахъ гордости, въ чинахъ и при Дворѣ,
Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мнѣ позволятъ быть
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
Такъ пастырь съ берега взираетъ на волненья

Нептуновыхъ пучинъ, и видитъ корабли
Игралищемъ стихій; желаетъ имъ спа-
сенья,
Но радъ, что онъ стоитъ надежно
на земли.
Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сер-
дечное блаженство
Желаетъ тишины, а Музы любятъ
шумъ;
Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совер-
шенство,
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій
умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нели-
цемѣрный,
Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
Сказавъ, что всякой день, съ начала
до конца,
Мы любимъ быть одни; что мы другъ
другу вѣрны
Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
Сказавъ, что всѣ для насъ минуты
хороши,
Въ которыя никто намъ не мѣшаетъ
вольно
Другъ съ другомъ говорить, другъ
друга цѣловать,
Ласкаться взорами, задуматься, мол-
чать;

Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
Не просимъ чуждаго, но щастливы своимъ,
Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій
Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и вокругъ:
Я вкусу *знатоковъ* не угожу, мой другъ!
Гдѣ тутъ Поэзія? гдѣ вымыслъ украшеній?
Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
Стихами говоритъ любовницѣ своей,
Что для него она предметъ боготворимый;
Что онъ единственно къ ней страстію живетъ,
За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,
И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
„Любовникъ, думаютъ, въ любви не лицемѣритъ;
„Обманываетъ онъ себя, а не другихъ."
Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;

Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятно-
стей своихъ
Оно казалося всегда цвѣтущимъ Маемъ,
Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный
Гименей
Былъ страстенъ, и еще сильнѣе всѣхъ
страстей:
То люди назовутъ безсовѣстнымъ об-
маномъ
Исторія любви тамъ кажется рома-
номъ,
Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.
Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ
священна,
Что быть должна отъ глазъ нечи-
стыхъ сокровенна;
Ей сердце храмъ святой, свидѣтель
Богъ, не свѣтъ;
Ей щастье другъ, не Фебъ, другъ свѣ-
та и притворства;
Она по скромности не любитъ стихо-
творства.

Берегъ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
На брегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ мистическимъ брегамъ!...
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Къ Добродѣтели.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнѣтеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;

Любилъ суды правдивы Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
„Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекра-
сенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щастливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достоинъ зависти Герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,

Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый трепеталъ (*),
Волнуемый страстями злыми:
Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты...слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной....
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когда жь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла....
Свободу я считалъ любовью!....

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!...Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

(*) Во время Революціи.

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ стра-
сти,
Твоей, о Добродѣтель! власти,
И, блескомъ щастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мѣли;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ брегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край щастливый;
Онъ мыслитъ радостно: „я тамъ!“...
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;

Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе златое!
Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!..
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ нещастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ...
Не можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты?..
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!..

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками

Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ щастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

Стихи на скоропостижную смерть Петра Аѳанасьевича Пельскаго (*).

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, утѣшеньи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣтки не распрямились,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!..
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!..
Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....
Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —

(*) 9 Маія онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ. . . . .

Ничтожество не страшно въ нихъ!...
Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душею. . . .
Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
Свою любовницу-супругу (*)!
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щастливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, посреди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!..
Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
Что самъ онъ скоро отдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготовленье
Къ утратамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовитъ только сожалѣнье
И гаснетъ завсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершен-
ство?...

(*) Она скончалась въ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,
Ты насъ желаньемъ утомляешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!

Теперь супруги не разлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покоятся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!...
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ *собраніе вѣковъ*,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!..
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!

Конецъ Перваго Тома.

Опечатки въ Первомъ Томѣ.

Стран.	*строк.*	*напечатано:*	*читай:*
34	— 18	своихъ	своихъ?
158	— 13	Тасовы	Тассовы
171	— 13	зверей	звѣрей
208	— 15	быть	быть.
233	— 14	разлюблять	разлюблять.
262	— 15	незабвеный	незабвенный
266	— 15	вѣнецъ	вѣнецъ.
274	— 4	угнѣтен- ныхъ	угнетен- ныхъ
283	— 8	просвѣ- щенье	просвѣ- щенье.
296	— 19	угнѣтен- нымъ	угнетен- нымъ

Опечатки во Второмъ Томѣ.

Стран.	строк.	напечатано:	читай:
20 —	10	четыре лошади	четырехъ лошадей
54 —	2	однѣ	одни
93 —	3	судь бы	судьбы
234 —	13	чистнѣйшія	чистѣйшія
281 —	1	воспылаха	воспылала

